

Прикосновение

Автор:

Дэниел Киз

Прикосновение

Дэниел Киз

Барни и Карен были счастливы, пока не стали жертвами радиоактивного заражения. Одно прикосновение – и смертоносная зараза проникла в их дом и во все остальные дома, куда они заходили.

Они стали изгоями в своем городе, в семьях своих близких и соседей.

И самое страшное – именно сейчас, когда их жизнь на волоске, Карен после многих неудачных попыток наконец смогла забеременеть. Барни понимает – радиация не оставила им шанса на счастливую жизнь. Но Карен верит, что ее любовь к неродившемуся ребенку сотворит чудо.

Дэниел Киз

Прикосновение

© Алчеев И., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается Ори, с любовью

Вспомни, что Ты, как глину, обделал меня, и в прах обращаешь меня?

Иов, 10:9

Предисловие автора к изданию 2003 года

К чему заново перерабатывать и переиздавать «Прикосновение»?

Перед вами роман о последствиях радиационной аварии на промышленном производстве, когда сотрудник компании, сам того не ведая, разносит радиоактивную пыль по соседям, заносит ее к себе домой и заражает беременную жену.

Герои и события, описанные на страницах этой книги, вымышленные. Они – плод воображения и основаны на происшествии, случившемся в Соединенных Штатах в 1960-х годах. Однако тяжкие последствия, которыми все это обернулось, вполне соответствуют действительности.

После того как «Прикосновение» впервые вышло в свет – в 1968 году, тысячи людей по всему миру стали невольными жертвами радиационного заражения в результате аварий, краж бракованного медицинского и промышленного оборудования, а также ненадлежащего использования радиоактивных отходов.

Правительства и заинтересованные промышленники разных стран мира не желают и пальцем шевельнуть ради того, чтобы предотвратить заражение, вызванное промышленными выбросами и радиационными авариями. С политической и экономической точек зрения куда выгоднее постараться скрыть радиоактивную пыль, чем объясняться с общественностью, требующей отчета о последствиях своего бездействия.

Радиоактивные источники чаще всего незаконно отправляются на свалку во избежание оплаты расходов по их хранению. Надлежащее хранение стоит около двадцати тысяч долларов. А штраф составляет всего лишь две тысячи долларов. Но если радиоактивный источник вдруг окажется на сталелитейном заводе, он с тем же успехом может потом попасть и к вам в руки или же в дом дорогих вам людей.

25 марта 1997 года близ Гаррисберга, в Пенсильвании, было изготовлено тридцать три тысячи лотков лопат из стали с примесью радиоактивного тория. В подобных случаях очистка и проверка каждого лезвия, каждой ножки стола обходится в сотню миллионов долларов.

В средствах массовой информации такие аварии зачастую представляются в виде коротких газетных сообщений, а личная беда никогда не принимается в расчет при учете издержек производства или составлении балансовой отчетности. Куда больше шума вызывают впечатляющие взрывы на атомных электростанциях или военных объектах, как это было на острове Три-Майл в Пенсильвании, США, в Чернобыле, на Украине, или в Токимуре, в Японии. Однако последствия радиоактивных аварий на промышленных предприятиях и краж радиоактивных веществ, к которым причастны преступники или террористы, чаще всего сказываются спустя месяцы.

Взгляните на нижеследующие сообщения для печати:

«ТРЕВОГА НА АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКОЙ ГРАНИЦЕ

В пятницу 27 июля 2002 года власти Мексики подтвердили, что при перевозке между мексиканскими приграничными городами Тихуаной и Текате, в семидесяти милях к востоку от Сан-Диего, пропал цилиндр, восемь на шесть дюймов, содержащий дюймовую капсулу с иридием-192. Он использовался мексиканской государственной нефтяной компанией «Пемекс» для рентгеновского обследования нефтепроводов.

По заявлению начальника Мексиканской государственной службы национальной обороны Габриэля Гомеса Руиса, не установлено, выпала ли емкость из грузовика или же ее выкрали».

«КАНАДА НЕДОСЧИТАЛАСЬ КОНТЕЙНЕРОВ С РАДИОАКТИВНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ

По сообщениям от 2 июля 2002 года, пять контейнеров из одиннадцати с опасными радиоактивными веществами, пропавшие за последний год в Канаде, до сих пор так и не обнаружены. Согласно заявлению Комиссии по ядерной безопасности Канады, емкости, вероятно, были украдены со строительных площадок или из грузовиков. По заверениям властей, нет никаких доказательств того, что пропажа контейнеров стала результатом заранее организованного преступления с участием террористов. Однако власти реагируют на недавние предупреждения ООН о том, что радиоактивные вещества, необходимые для изготовления “грязных бомб” и заложенные в обычные взрывчатые вещества, можно найти практически в любой стране мира».

По словам представителя конгресса Эда Марки (Массачусетс), «Усама бен Ладен и “Аль-Каида” уже пытались заполучить ядерное топливо. Как нам известно, создание “грязной бомбы” – одна из главных целей “Аль-Каиды”... Если одна из таких штуквин (радиоактивных устройств) окажется на складе металлолома, она рано или поздно попадет в руки террористов».

История Барни и Карен Старк представлена в этом новом издании так, чтобы читатели могли сопереживать тяжким испытаниям, выпавшим на долю таких же людей, как и они, а промышленники и правительственные круги осознали, что впереди их ждет работа. По сообщению «Вашингтон пост» от 4 мая 2002 года, американские государственные и медицинские учреждения так и не смогли дознаться, куда подевалось около полутора тысяч единиц оборудования с радиоактивной начинкой, пропавших начиная с 1996 года.

Примечание автора

Когда я писал «Прикосновение», амниоцентез[1 - Амниоцентез (мед.) – пункция плодного пузыря. Здесь и далее прим. перев.] и ультразвук, позволяющие определить состояние плода, использовались пока еще только экспериментально. И для большинства родителей, таких как Барни и Карен, в то время были недоступны, так что они не могли знать до родов, кто у них будет – мальчик или девочка и родится ли младенец нормальным или с нарушениями,

живым или мертвым.

Прикосновение

Июнь

1

Сперва ему послышалось, что по спальне кто-то ходит, и он прислушался: приглушенное жужжание электрических часов, ровное дыхание жены сбоку, биение собственного сердца. И только. Ему подумалось – это, должно быть, оттого, что он резко пробудился; и все, что теперь остается, – признать очевидное.

Карен застонала и повернулась на другой бок. Вот она, лежит рядом, такая красивая, как всегда, и вместе с тем другая, чем-то похожая на свою сестру. Может, в этом все дело? Удалось ли ему соединить их обеих в одно целое, не дав знать Карен, что это он сделал ее другой? Закрывая глаза, освобождаясь от мыслей, он призывает сон вернуться. Но сон пропал.

Барни открыл глаза и так и лежал, глядя на светящиеся стрелки часов. Он уже неоднократно просыпался этой беспокойной ночью, и всякий раз стрелки становились все более тусклыми. В десять минут второго они походили на вскинутые вместе сверкающие руки; сейчас же они безвольно повисли. Пять сорок.

Он прищурился, сясь разглядеть окошечко с датой на циферблате и размышляя, какая она сегодня – красная или черная, но циклический календарь не подсвечивался. А производителям стоило бы это предусмотреть – особенно для фертильных часов[2 - От «фертильность» (лат. fertilis – плодородный, плодovitый) – способность половозрелого организма производить жизнеспособное потомство; отсюда «фертильные дни», или «дни

фертильности», – дни, когда способность к зачатию у женщины максимальна.]. Интересно, что бы делали с таким устройством первобытные люди, искавшие указаний от высших сил и вмешательства богов, у которых они испрашивали щедрые урожаи и благополучный исход для своих родов? Наверное, пытались бы с его помощью вызывать дождь. А что, если и ему испросить грозовой ливень. Вот только Карен вряд ли оценит такую шутку, подумал он с досадой. Он так старался сохранять уважительность и все шутил, когда принес эту штуковину домой, не ожидая со стороны Карен укора, хотя последнее время она все воспринимала в штыки. И все же ему следовало знать, что она отвергнет ее полезность, как отвергала пользу от анализов доктора Лероя, календарей и термометров.

Ей хотелось бы думать, что дети случаются сами собой, что зачинаются они на вершине романтической любви и в лунном ореоле страсти, без всяких раздумий, планов и знаний; ей хотелось бы верить, и он в этом ничуть не сомневался, в свои девчачьи представления о непорочном зачатии, а не в строгие подсчеты (она прибила бы его, вздумай он пошутить на эту тему в такую раницу!) месячных циклов с учетом температуры тела. Она не нашла ничего забавного в вылепленной им фигурке Матери-Земли с обвислыми грудями и вздутым животом – символе плодородия, принесенного в дар богам; она, как ни странно, расплакалась, когда он шутки ради выставил скульптуру на лужайке в последнее полнолуние.

Хотя ей хотелось ребенка не меньше, чем ему, она несколько месяцев отказывалась от медицинских осмотров, даже после того, как он прошел их первым. Она предпочитала, о чем ему было известно, и дальше надеяться, молиться, мечтать, ничего не зная наверняка, и хотя анализы показали, что они оба способны к деторождению, ей верилось в это с трудом. Она по привычке измеряла себе температуру, составляла графики своих циклов, планировала дни, но при всем том отличалась поразительной неорганизованностью, словно самая ее плоть восставала против такого понятия как упорядоченность, и поначалу это вызывало множество огорчительных ложных тревог, что, как ему казалось, происходило по ее оплошности, отчего он потерял всякую веру в расчеты ее фертильных дней.

Перелом наступил, когда она повадилась ходить гадать к цыганкам, с головой ушла в дешевенькие гороскопы со звездными прогнозами, когда стала черпать духовные надежды в своих снах, – и вот тогда, прочитав как-то об этом в газете, он пошел и выложил семнадцать долларов и девяносто пять центов за те самые

фертильные часы.

Продавщица, взглянув на него как-то странно, будто удивившись, что их покупает муж, тем не менее растолковала, как они работают. То были часы для спальни (кто бы сомневался!) с расчетным механизмом вероятных фертильных и нефертильных дней, и как только его жена ввела туда данные о своих самых длинных и коротких периодических циклах, после этого там, в окошечке на лицевой стороне, показывался календарь с числами, при том что красные соответствовали вероятным дням фертильности.

«Потрясающе! – прорычал он. – Детородная рулетка какая-то».

Ей бы посмеяться над этим (и может, рассказать девчонкам!), но Карен расплакалась.

Будто почувствовав, что он думает о ней, она повернулась обратно и вздохнула, ее черные волосы рассыпались веером по подушке, одна рука откинулась, а другая легла на живот, словно нащупывая, есть ли внутри что-нибудь. Он думал, а вдруг ее красота сильно изменится – как по стремительному мановению кисти японского живописца на белом; скулы под безупречной кожей вздернутся, хотя выдаваться не будут. Даже в тусклом свете он мог различить редкие морщинки на ее лице. Но она принадлежала к тому типу женщин, которые принимают близко к сердцу малейшие перемены, происходящие с их телом.

Где-то в глубине сознания у него затаилась мысль, с которой он боролся во сне. Что, если у нее изменится лицо, наклон головы, а то и манера держать руки. И все эти изменения она, верно, переймет от своей сестры Майры, с которой он виделся последний раз четыре года назад, еще до того как женился на Карен. Возможно ли взять лучшее от каждой и соединить вместе так, чтобы Карен ничего не узнала?

Сон как рукой сняло, хотя рассвет только-только забрезжил. Он выбрался из постели и оделся. Сперва кофе, а там решим. Он давно не прикасался к «Восходящей Венере» и до этой минуты не рассчитывал, что в Центре все так залихорадит. Но отказываться от хорошей мысли было грешно. Последние дни вдохновение посещало не часто. Выходя из спальни, он заметил, что теперь голова ее склонилась набок, левая рука оказалась под подушкой, а правая все так же покоится на животе. Если за все это время она забеременела, он сделает

ее лицо другим – кое-что добавит. Ведь женщина, ждущая дитя, живет скорее будущим, нежели прошлым.

Он включил на кухне свет – и тут же смекнул, что дал маху. В раковине громоздилась груда грязной посуды, да и стол не сверкал чистотой. Почему она не засунула все это в посудомойку? Не бери в голову, утешал он себя. Стоит забыть про свой мерзкий характер, как все плохое разом вылетает из головы.

Он взялся было за днище электрической кофеварки – но крышку нигде не обнаружил. Тогда он стал искать растворимый кофе – но банка оказалась пустой. Он выключил свет и торопливо спустился вниз.

Сняв влажное покрывало со скульптуры в натуральную величину, он оценил взглядом свою работу. Бесспорно, Карен была достаточно красива, чтобы стать его натурщицей; ладное по классическим меркам тело, изящная правая рука касается бедра, а левая, с тонкими, сложенными чашечкой пальцами, прижата к груди, глаза скромно опущены, полные губы подернуты печалью. Но все это, конечно же, было неправдой, и он знал почему. За последние три года фигура (он то брался за нее, то отстранялся, то крушил ее, то брался сызнова) чуть заметно изменилась – стала более романтической, чем он ожидал, и напоминала Венеру из далекого прошлого. Единственное, чего ей недоставало, так это раковины, Зефира[З - Зефир – бог западного ветра в греческой мифологии.] и Весны, пытающейся накрыть ее покровом. Впрочем, то было даже не его собственное представление, а избитый трехразмерный образ, будто сошедший с картины Боттичелли «Рождение Венеры».

Этим утром во сне «Восходящая Венера» была закончена, и, пока он изготавливал гипсовую форму, она ожила и вожаденно потянулась к нему. Но стоило ему обнять ее, как она вдруг ожесточилась и стала неумолимой, а потом глина треснула и раскрошилась в его руках. У нее было лицо Майры. Помимо явного сексуального подтекста сновидения, замешанного на страхе, в нем, как он понял, заключалось озарение – так у него возникла мысль привнести в лицо Карен кое-какие черты ее сестры, которые ему запомнились, и, наделив образ недостающей индивидуальностью, вернуться в некотором смысле к исходному характеру. Он понял: выражению губ надо придать решительности, да и глаза придется изменить. Кончиками пальцев он мог ощутить податливость глины. Но сейчас это не главное – не стоит торопиться, иначе он все испортит. За красотой Майры всегда скрывалась волнующая сила, чего не хватало Карен. Как же это выразить?..

Четыре года назад – кипучая, горячая, невероятно энергичная. Всегда в центре событий – будь то студенческая забастовка или кампания по сбору средств; выступление против внешней политики; борьба за права студентов, профессорско-преподавательского состава, меньшинств; протест в защиту выселенцев, бесправных и обездоленных. И уж будьте уверены: случись какая-нибудь манифестация, сидячая забастовка, или диспут-семинар в защиту гражданских прав, или демонстрация протеста с захватом жилья для ночевки, или марш против войны и бедности – Майра была тут как тут, всегда готовая помочь делу и возглавить его при поддержке неизменного своего окружения в виде восхищенных представителей сильного пола, согласных идти за нею куда угодно.

Он вспомнил ее смех, увидел, как она держит руку, когда спорит (ладонь обращена вверх, пальцы согнуты, будто удерживая мысль, как у роденовского «Проповедующего Иоанна Крестителя»[4 - Имеется в виду статуя французского скульптора Франсуа Огюста Рене Родена (1840–1917) 1878 года.]), увидел проникновенный взгляд ее голубых глаз, пленяющих всякого, кто подходил к ней близко, сраженный исходящим от них рвением. Он вел себя, как и все: сначала восхищался издали, потом вблизи. А обожателей у нее всегда было хоть отбавляй. Так, в конце концов, он свыкся с явившимся ему во сне образом Майры в роли живой обнаженной натуры, которую он собирался назвать «Восходящей Венерой». А работать он начал с того, что вспомнил, как однажды летом видел ее в купальнике, о чем никогда ей не говорил; он то начинал, то бросал, боясь, что этот образ будет преследовать его всю жизнь. Теперь же, глядя на статую, он понял, что просчитался, когда вздумал изменить первоначальному замыслу, решив привнести новые черты в скульптурные изображения Венер, ваявшиеся столетиями, когда замыслил отобразить в облике богини любви извечную борьбу между мужским и женским началом. Он думал о Венере, чья красота будет возвеличена благодаря силе и решимости, запечатленным в пылающих глазах Майры, благодаря волнующему изгибу ее шеи и напряженной манере держать руку. И в этом образе ему удастся воплотить внутренний конфликт современной женщины, оказавшейся под перекрестным огнем своих душевных терзаний.

Теперь ему стало ясно: он был неудовлетворен своей работой и все никак не мог ее закончить потому, что Карен для этого не годилась. Она была довольно красива, но красота ее казалась слишком романтической, чувственной, материнской.

Он познакомился с Карен на одной из сходов, организованных Майрой в их огромном семейном доме Брэдли, – они строчили какие-то письма и рассовывали их по конвертам, – и, хотя она никогда не подтрунивала над занятиями Майры (и даже иногда помогала ей, когда надо было рисовать плакаты или распространять рекламные листки), она же никогда к ним по-настоящему и не приобщалась. Она занималась современным танцем и посещала курсы по актерскому мастерству и однажды, когда он стал ее спрашивать, растолковала ему, что выступать на сцене ей куда больше по душе, чем стоять в пикетах. Барни обращал мало внимания на Карен, пока Майра не произвела фурор в городе Эджин: сбежала со средних лет старшим преподавателем социологии (в Южную Калифорнию, чтобы помочь организовать союз рабочих-мигрантов и мексиканских собирателей фруктов), оставив своих почитателей в недоумении – куда же подевалась их богиня.

После бегства Майры Карен расцвела, стала привлекательнее и желаннее. Он начал восхищаться ее простодушным романтизмом, увидел в ней человека, нуждающегося в заботе и любви, а позднее, когда они поженились, он решил сделать ее натурщицей для своей более нежной и романтической Венеры. К тому времени, когда они уже три года как были женаты, он не раз лепил ее тело, а вот с головой у него ничего не выходило, потому как он смутно понимал – та самая потаенная одухотворенность, что некогда пленяла его, теперь была ему помехой. И как он ни старался, а отобразить ее мечтательные глаза и пухлые, словно надутые от обиды губы ему все никак не удавалось. Она по-своему была такая же непостижимая, как Майра.

Но этим утром во сне он увидел, что для того, чтобы завершить образ, нужно добавить к нему кое-что от Майры – соединить обеих сестер в одном целом. Работал он споро.

За окном светало, а ему был нужен по крайней мере час, чтобы закончить модель, прежде чем отправиться на работу в Центр. Он несколько месяцев не прикасался к Венере всерьез – и сейчас пребывал в сильнейшем возбуждении, нипочем не желая останавливаться. Даже мало-мальская подвижка в осуществлении задуманного облегчит ему днем работу с глиняными моделями автомобилей.

Он рьяно взялся менять выражение лица: всего лишь мельчайшая складочка – и вот уже Майра исполнена нетерпения; подбородок тверже – чтобы как у мальчишки; в глазах – тревожное ожидание. В другой раз надо будет изменить

жест руки: правую ладонь повернуть вверх, пальцы – согнуть так, будто они держат цветок. Но даже когда он еще только замыслил это, ему стало ясно, что Карен все поймет, – узнает и выражение лица, и жест руки и непременно огорчится. Он остановился, не отрывая руки от скользкой глины. Не нужно решаться прямо сейчас. Надо будет вернуться потом и взглянуть еще разок; или – что даже лучше – попросить Карен немного попозировать, чтобы она все видела в медленном развитии и привыкла к новому образу. А он поглядит, заметит она что-нибудь или нет. Если да – они все обсудят. Он снова смочил покрывало, набросил его на статую, прикрыл ванну с глиной и выключил весь свет.

Завтрак он приготовит себе сам, а она пусть поспит. Поработать утром было здорово, но она, наверное, обо всем догадается и будет расспрашивать. Уж больно она смышленная – и порой могла сказать не только все, о чем он думает, но и о чем он еще даже не успел подумать, вот и сейчас она наверняка поймет – здесь что-то не так.

Про кавардак на кухне он уже и думать забыл – и теперь вот почувствовал, что закипает от злости. Но он все же взял себя в руки и принялся рыться в посудомойке в поисках крышки от электрокофеварки. Тут он смекнул, отчего в раковине громоздилось столько посуды: посудомойка тоже была забита битком. Кто, как не Карен, заполнил ее под завязку и забыл включить?

Крышку от капельной кофеварки он обнаружил на полке для посуды, над сушилкой, и поставил кипятить воду. Но, попытавшись потом откопать чашку с блюдцем, грохнул в раковину стакан, и тот разбился вдребезги.

– Ну и черт с ним! – пробурчал он и расколотил следом чашку с блюдцем.

В полудреме Карен почувствовала, как он встал с постели и спустился вниз. Она с трудом размежила глаза. Кругом полумрак. Почему он поднялся в такую рань? Ночью он не раз будил ее, постоянно метаясь и переворачиваясь с боку на бок, – что-то его тревожило. Она смутно подумала – может, встать и приготовить ему завтрак, подняла голову и посмотрела на часы. Только десять минут шестого. Она гипнотизировала взглядом неугомонную секундную стрелку, словно хотела усилием воли остановить ее, а заодно заставить и себя застыть в этом промежутке между сном и пробуждением. Какой ужас – засыпать и просыпаться

по часам, не говоря уже о том, чтобы предаваться любви! Она снова откинулась на подушку и закрыла глаза. Рекомендация врача отправиться во второе свадебное путешествие и перестать надрываться была первым дельным советом, который она услышала за все время, пока продолжалась эта эпопея с зачатием.

Раньше она и представить себе не могла, что родить ребенка такая сложная задача. Когда читаешь про всех этих незамужних матерей, вынужденных избавляться от собственных детей, и слушаешь родительских предостережений, то после первого же своего сексуального опыта думаешь, что наверняка забеременеешь. Она улыбнулась, вспомнив, как однажды они с Майрой болтали перед сном в темной спальне, лежа в кроватях, как было заведено между ними, девочками девяти и одиннадцати лет, и в конце концов пришли к выводу, что дети рождаются от поцелуя, а потом они еще больше укрепились в этой мысли, после того как услышали в школе от одной не по годам развитой девчонки про глубокий поцелуй («душевный», как та сама его называла), и, хотя Майра заметила тогда, что это противно, Карен подумала – до чего же прекрасно, когда после слияния двух душ в поцелуе возникает жизнь. А через год Майра, понаслушавшись откровений одной девчонки постарше, проходившей курс полового воспитания, торжествуя заявила, что, помимо поцелуя, вроде как нужно еще лечь в постель с мужчиной, чтобы он пролил семя в то место, которым ты писаешь. Карен сперва ступала (смекнув разумом десятилетней девчушки, что все это ерунда, потому как, когда ты писаешь, все это из тебя вымывается), а Майре было даже противно думать, что их родители укладываются в постель и проделывают то, что всякие там нахальные девчонки называют «кувыркаться» и «трахаться»: это звучало до того омерзительно, что казалось Майре просто ужасным. Но позднее она пробовала пересказать Майре романы, где вычитала, что люди, предаваясь любви, возносятся до небес на крыльях безудержного восторга и страсти и что это, должно быть, замечательно, когда двое влюбленных даже не думают о том, что будет после глубокого поцелуя, потому что в это время они охвачены безумной страстью.

Она мечтала, что так будет и у них с Барни, когда увидела его впервые. Прежде она никогда не встречалась со скульпторами – и украдкой присматривалась к нему, когда он пришел с товарищами к ним домой на заседание возглавляемого Майрой комитета – «Старшие за поддержку студенческого движения». Высокий, с большими руками и длинными пальцами, с ниспадающими на шею вьющимися рыжеватыми волосами, со светло-голубыми, в коричневатых прожилках глазами и с белой гладкой, как у девчонки, кожей. Ее привлек тогда его встревоженный взгляд. Он был художником, одиноким и угрюмым, из бедной семьи, жившей в

Хамтрамке[5 - Хамтрамк – город в штате Мичиган, США.], и она пыталась представить себе, какой он, когда остается один и создает свои восхитительные величественные скульптуры. Она никак не могла взять в толк, почему художник оказался в плену чар Майры, как какой-нибудь студент-социолог-политолог (такие ходили за нею толпой, как за Жанной д'Арк, объявившей войну обществу), и все же ей нравилось, что он застенчивее остальных. А когда они всей оравой заявлялись к ним домой сочинять письма, надписывать конверты или рисовать плакаты, она всегда держалась поближе к нему, думая, а что будет, если их глаза встретятся. Впрочем, она никогда не старалась привлечь его внимание. Едва ли это было возможно, пока он принадлежал Майре.

Так уж у нее с Майрой было заведено с детства. Она никогда не претендовала на потрепанные вещи Майры (даже на латанные-перелатанные платья, равно как и на изношенные или сломанные игрушки), пока не убеждалась, что Майре они и в самом деле уже ни к чему. Однажды она крепко усвоила ее пример (сколько ей тогда было – лет пять или шесть?) с Синди, писающей куклой, безрукой, со сколотым носом и ободранными волосами. Ей захотелось эту куклу, потому что та была несчастная и нелюбимая, а поскольку Майра больше не играла с ней, Карен стала нянчить ее, как собственную дочурку. И вот как-то раз, когда тетушка Люси, состоявшая в комитете по сбору рождественских подарков для сиротского приюта, заикнулась, что ей нужны куклы, Майра пошла в их детскую, притащила все свои куклы, вместе с Синди, и передала их для детей-сирот. Майрой все очень гордились, а Карен так расстроилась, что принялась умолять, чтобы ей оставили Синди. Ведь это же ее кровинка, родная дочка, – заверяла она всех. Ей обещали взамен другую куклу. А отец сказал: «Не будь такой эгоисткой. Лучше бери пример с Майры», – и ей стало до того совестно, что она даже не пришла к обеду – спряталась в подвале и просидела там до тех пор, пока не пришло время ложиться спать. С тех пор она не притрагивалась ни к чему такому, что принадлежало Майре.

Так что в глубине души она обрадовалась, когда Майра сбежала со своим преподавателем. Она не забыла выражение лица Барни, когда как-то утром повстречалась с ним в студенческом городке и он спросил, правда ли это. Когда она ответила, что так оно и есть, он с на удивление глупой миной признался: «А мы с ней назначили свидание три недели назад – собирались вечером в кино». Не смея показаться чересчур развязной, да еще перехватив его исполненный отчаяния взгляд (хотя ей очень хотелось подтрунить над ним и сказать: вот и поделом тебе – не надо было назначать свидание загодя, да еще за три недели), она, однако, ничтоже сумняшеся, выпалила: «А почему бы тебе не пригласить меня вместо нее?»

Она до сих пор помнила его взгляд: он как будто видел ее в первый раз. Он ответил не сразу, и она почувствовала, как у нее запылали мочки ушей и лицо, – ей хотелось умереть. Но она рассмеялась и сказала: «Я просто пошутила», – и со слезами на глазах убежала в свой театральный класс.

В тот же вечер он позвонил ей и извинился. Сказал, что не хотел показаться грубым. Ну конечно же, он с удовольствием сводил бы ее в кино. Ей очень хотелось сказать, что у нее уже назначена встреча, и отложить свидание с ним на неделю, но она боялась начинать их знакомство с обмана и в глубине души ужаснулась при мысли о том, что за это время его у нее уведут. Несколько раз, пока шло кино, она краем глаза замечала, что он поглядывает на нее, и тогда поняла: раз нет Майры, значит, рано или поздно он переключится на нее.

Она слышала, как он мечется по кухне, громыкает ящиками стола и стенного шкафа. Какого черта он там ищет в такое время? Она снова открыла глаза – посмотреть, который час. Четверть седьмого. Спускаться вниз и готовить завтрак еще рановато. А надо бы встать и прибраться на кухне. Он там сейчас, наверное, злится, глядя на ворох посуды в раковине. Однако ее тело не проявляло ни малейшей охоты встать с постели. В такую ранищу. Она смотрела, как секундная стрелка пожирает время. Странно: когда спишь, время для тебя как будто останавливается, а для всех остальных – и для него, чего бы он там ни делал на кухне и о чем бы ни думал – идет себе и идет, проходя мимо тебя украдкой и оставляя в прошлом. Подлая все-таки штука – время.

Она взглянула на фертильные часы – и поморщилась. По крайней мере, она знала – о том, что у них произошло на третьем свидании, они и не помышляли и ни к чему такому не готовились. Все случилось самопроизвольно – без оглядки на будущее. Ту восхитительную ночь она потом вспоминала сотни раз и втайне воскрешала в памяти последние три месяца, когда они предавались любви с учетом дней, выверенных по фертильным часам. Она немного послушала, как он громыкает там внизу, на кухне, потом перевернулась на живот и обхватила руками подушку. Все случилось после того, как они сбежали с одной скучной вечеринки и он проводил ее до дома, – тогда она, недолго думая, возьми и скажи: «Зайдем вместе. Предки вернутся не скоро». Она повела его наверх – показать комнату, где они жили на пару с Майрой. Там он ее поцеловал – сперва робко, потом страстно, ласково касаясь ее рук, лица, груди, так, словно лепил ее плоть, а затем – ведь ей самой того хотелось – уложил ее спиной на постель и

стал раздевать. «Только не здесь, – прошептала она, испугавшись собственного голоса. – Это кровать Майры».

Он посмотрел на нее, на мгновение смутился, потом перенес на ее кровать, бережно опустил и выключил свет. Со своей одеждой он замешкался – прошла, кажется, целая вечность, прежде чем он разделся и подошел к ней, а когда наконец лег в постель, его трясло от возбуждения, он сделался грубым, и она, не сдержавшись, заплакала от боли. Поняв, что она девственница, он вдруг стал сама нежность, будто хотел извиниться за то, что был не очень ласков; он мягко обхватил ее своими мускулистыми руками и сказал, что любит. А когда он уснул, прижимая ее голову к своему плечу, она подумала: ну вот, теперь он мой.

Проснулись они от шума: скрипнула наружная входная дверь – вернулись ее родители. Барни вскочил с постели, но она поднесла палец к губам. Они так и лежали, тише воды ниже травы, а когда в доме снова все смолкло, он оделся, тихонько спустился и ушел через заднюю дверь. Через несколько мгновений она услышала, как в ее окно ударил камушек. Он стоял в лунном свете и посылал ей воздушные поцелуи. Увидев это, она разревелась от счастья – и почти всю ночь пролежала не сомкнув глаз, и все думала: ну вот, теперь его семя проникло в нее, чтобы создать новую жизнь. Она лежала, не шелохнувшись, боясь пошевелиться, и все шептала: уж теперь-то их никто не разлучит.

Какой же наивной она тогда была. Все оказалось не так-то просто. По крайней мере, для нее. Она посмотрела на часы: семь пятнадцать. В окошечке виднелась цифра восемь – красная. Ей хотелось ребенка больше всего на свете, только очень смущало, что предаваться любви приходится в соответствии с клиническими предписаниями – по расписанию. Такая научно запрограммированная связь, напоминающая точно выверенную систему размножения сельскохозяйственных животных, каких-нибудь лошадей или лабораторных зверушек, – это уж чересчур. Майра, может, с этим бы и смирилась. Майра, может, и прониклась бы духом времени, ходила бы по библиотекам и медицинским лекциям, чтобы узнать о последних достижениях в области гинекологии, – и, в конце концов, охотно поучаствовала бы в программе по регулированию рождаемости и планированию материнства. Так вот, она не Майра и ни за что не хотела бы стать такой, как она. И будь что будет.

Быть может, все уже случилось: ведь она так этого хотела тогда, ночью, на озере Торч[б - Озеро в штате Мичиган.], в романтической хижине на самом берегу, – но, когда она призналась Барни, что у нее такое чувство, будто она

беременна, он принялся растолковывать ей, как маленькой девочке, что такое нельзя почувствовать. Так почему же теперь при мысли об этом у нее на глаза наворачиваются слезы?

Она услышала, как что-то разбилось, – не то стакан, не то тарелка, а потом еще что-то – и села. Что он там вытворяет? Она протерла глаза и встала с постели. При мысли о том, что надо спускаться на кухню, ей стало дурно, но она совладала с собой. Он опять будет насмехаться над ее «психосоматическими симптомами», как сам это называл. Они бывали у нее и раньше. Но ей удавалось их контролировать. Она нацепила халат, тапочки и направилась вниз – приготовить ему завтрак и проводить на работу. Меньше всего ей хотелось бы нынешним утром ссориться.

* * *

Барни уже натягивал куртку, когда услышал, как Карен спускается вниз. Она остановилась у входа на кухню, откинула назад прядь черных волос, зевнула и, гоня прочь сон, потянулась спиной и руками, но он не преминул заметить, что она опять плакала.

– Прости! Совсем вылетело из головы, что тебе сегодня на работу, – сказала она. – Вот и проспала. – Она глянула на раковину и стол. – О, Барни, я думала навести тут порядок вчера, когда вернулась. Ладно, давай пока сделаю тебе растворимого кофе.

– Нет времени ждать. Надо еще захватить Макса. К тому же кофе у нас не осталось ни грамма.

– Это займет всего лишь минуту, – настаивала она на своем, снова ставя кипятить воду. – Надо же тебе перехватить хоть что-нибудь.

Он собрался было уходить, но спохватился. Он вел себя с ней грубовато на днях: в последний понедельник – потому что она не могла найти ключи от своей машины, а во время вчерашней ссоры из-за потери кредитной карты для покупок в универсаме она и вовсе ударилась в слезы. Довольно ее допекать. Она и правда старалась как лучше, но попробуй враз изменить закоренелые привычки. Он с изумлением наблюдал, как она достает из-за хлебницы банку с

растворимым кофе.

- Ладно, только сок и кофе.

- Я не хотела тебя будить вчера ночью, когда пришла, - сказала она. - Понятия не имела, что уже так поздно.

- Был второй час. Так вы на чем-нибудь сошлись?

Она поставила перед ним чашку с кофе и полезла в холодильник за соком.

- Может, поджарить тебе омлет или гренок?

- Нет времени, да и есть, правда, не хочется.

- Что ж, - проговорила она с плохо скрываемым вздохом облегчения, - сошлись мы предварительно на Гедде Габлер[7 - Героиня одноименной пьесы норвежского драматурга Генрика Юхана Ибсена (1828-1906), написанной в 1890 году.].

- И ты будешь играть Гедду Габлер?

- Что ты имеешь в виду?

Он допил кофе, потом она налила ему сока, и, хотя он сто раз говорил ей, что терпеть не может неподслащенный грейпфрутовый сок, пришлось его выпить.

- Почему бы мне не сыграть Гедду Габлер?

- Я имел в виду, зачем снова браться за Ибсена?

- Думаешь, не потяну? Все говорили, что я была хороша в «Кукольном доме»[8 - Драма Генрика Ибсена, написанная в 1879 году.] прошлым летом. Да ты и сам говорил.

- Роль Норы тебе подходила.

Она нахмурилась, плотнее закуталась в халат и огляделась кругом.

- Ясно, - дрожащим голосом проронила она. - Ты, наверно, прав.

- Я не это хотел сказать. - Впрочем, он понимал, что сказал уже слишком много.

Она пожала плечами.

- По крайней мере, это предложил Дейл Уэкслер и комиссии понравилось. Правда, нужно, чтобы на следующей еще одобрила и вся труппа.

- Понимаешь, что бы они там ни ставили, ты отлично справишься. Когда ты вышла за меня, Бродвей лишился великой актрисы.

Она рассмеялась и попробовала его ущипнуть, но он увернулся и схватил куртку, делая вид, что это плащ тореодора. И она кинулась на него, прижав ко лбу согнутые пальцы и намереваясь боднуть, но он отвильнул и, в конце концов обхватив ее руками, поцеловал.

- Люблю тебя, - сказала она.

Он держал ее крепко.

- И я тебя.

Он наклонился за курткой к полу, куда она упала, и тут она открыла рот.

- Что такое? - вскричал он.

- Просто кое-что вспомнила.

- Ладно, господа, не надо так больше! Ты напугала меня.

- Чуть не забыла сказать, что Лила с Дейлом устраивают сегодня что-то вроде распределения ролей и они просили нас заглянуть к ним после обеда.

Он воззрился на нее.

– Как это? К нам же придут Уинтерсы на бридж.

Она посмотрела на него в диком ужасе.

Он простонал:

– Мы же обо всем договорились, когда играли у них в прошлом месяце, после того как вернулись с озера Торч. Разве не помнишь?

– Конечно, помню. С чего ты взял, что я забыла? Я думала, это будет завтра, вот и все.

– И все? Тебе надо было бы это где-нибудь записать на память. Вот что я думаю.

– Ты что, хочешь сказать, что именно это и думаешь?

– Я хочу сказать, что тебе надо было бы пометить это на у себя на календаре. Разве это трудно?

– Ну да, – резко проговорила она. – У меня календарь и без того исписан всякими чертовыми памятками.

– Всего хорошего! – буркнул он, направляясь к двери. – Мне пора.

– Поиграть вволю в бридж сегодня вряд ли придется, – съязвила она. – Сегодня восьмое – красный день на твоих Фертильных Часиках.

Выйдя из дома, он заметил, что она провожает его взглядом из окна в столовой, и его разозлило, что их жизнь раздирают нескончаемые недоразумения, выворачивая все наизнанку оттого, что она обижается на самую мысль следить за всем и вся. Впрочем, в этот раз последствия были предсказуемы. Она успокоится, как только он уйдет на работу и будет вкалывать как проклятый, чтобы освободиться к сегодняшнему вечеру, а дом – по крайней мере на первый взгляд все будет вылизано дочиста. Барахло окажется распихано по ящикам и шкафам, обувь спрячется под кроватями, газеты с журналами скроются за

диваном. Если она управится до прихода Уинтеров, они успеют пропустить по мартини из надлежаще подмороженных бокалов при свечах в столовой. А потом дня два-три все у них будет идти как по маслу: ведь ветер после бури унимается. Карен несколько дней не будет опаздывать на свои встречи. Но перемены, как всегда, будут временными – и скоро все опять вернется на круги своя.

Глядя, как он выгоняет машину из гаража, а потом уезжает прочь, она почувствовала недовольство и одиночество. Она ненавидела себя за то, что забыла про сегодняшний вечер. Она включила радио, но ритмичная музыка напоминала вызывающую головную боль телевизионную рекламу – пришлось его выключить. Ей не хотелось, чтобы он увидел весь этот кавардак. Надо было вымыть посуду еще вечером – плевать на усталость. Она вздохнула и опустила голову на стол.

До женитьбы они жили как будто душа в душу: она вела хозяйство, пока он ваял, готовила ему еду, ограждала от всяких неприятностей, наблюдая, как он воплощает мечту в глине, и помогала ему обеспечивать их надежные тылы. Поначалу она думала, что они переберутся в Гринвич-Виллидж[9 - Гринвич-Виллидж – район на западе Нижнего Манхэттена, в Нью-Йорке.] или в богемный квартал в Сан-Франциско, найдут там друзей среди художников, скульпторов и пробивающих себе дорогу в жизнь молодых служителей Мельпомены. А не будет хватать денег, так она станет работать манекенщицей, чтобы помочь ему в трудное время, пока он не добьется признания.

Но он убедил ее, что лучше оставаться поближе к Мичигану, где их корни, и держаться подальше от всяких жуликов и позеров. Благоразумно, ну конечно же с его стороны было благоразумно согласиться на работу, которую предложил ему ее отец в «Нэшнл-Моторс». Воплощать в жизнь чужие идеи и формы, объяснял он, что ж, такое занятие дисциплинирует скульптора. И потом, это будет неплохим подспорьем для их бюджета: ведь они оба мечтали о собственном доме и детях. Вот и купят себе этот чудесный дом, и у него будет своя мастерская в подвале, и он сможет работать там в свое удовольствие по вечерам и выходным. Здорово придумано!

Но он строил иллюзии. За последние два года смог закончить только две абстрактные, не понятные ей вещицы (он начал работать над ними давно – в конце учебы в колледже). А когда она попросила объяснить, что они означают,

он разозлился и дулся еще не одну неделю. Но самым ужасным были ее страхи: она боялась, что мешает ему творить, и корила себя за это. Если бы только она была другая – попрacticalнее, что ли, если бы могла оградить его от повседневных забот, если бы могла взять и просто родить ему ребенка – без всякой суеты и тревог, надоевших им обоим! Она неотрывно глядела на заваленную посудой раковину, силясь подавить отвращение к самой себе. Стань же другой! Будь побойчее! – приказывала она себе. Соберись! За дело! Позови кого-нибудь прибраться по дому к вечеру да проследи, чтобы все было чин чинком. Аккуратнее веди температурный график и почаще поглядывай в окошечко на часах.

Если бы только она могла заставить себя оторваться от стула, то взялась бы за дело не мешкая. Но тело сопротивлялось. Она просидела так, борясь с собой, несколько минут, потом с невероятным усилием воли встала. Включила посудомоечную машину, собравшись с силами, подошла к раковине, плеснула туда моющего средства, пустив воду, и погрузила руки в раковину с грудой посуды.

Она поняла, что порезалась, только когда в мыльной воде разошлось кровавое пятно, окрашивая посуду и оседая красными каплями на стенках раковины. Она в изумлении воззрилась на порезанные ладонь и пальцы левой руки, на тонкие струйки крови и с криком и слезами принялась швырять посуду в раковину, круша все без разбору.

Какого черта он не убрал за собой расколотую чашку с блюдцем! А оставил все это для нее. Она не была готова стать другой – эдакой домохозяйкой, стряпать, мыть, чистить и заниматься еще бог весть какими делами по требованию! Она не походила на Нору из «Кукольного дома» и не была готова ловить каждое его слова и угождать малейшим его прихотям. Она такая, как есть. Зачем становиться другой?

Ей хотелось с кем-нибудь поговорить. Она обмотала руку полотенцем и направилась к телефону – позвонить матери. Но вдруг вспомнила, что компания отрядила отца в Калифорнию уладить тяжбу в суде по делу «Нэшнл-Моторс». Она пожалела, что они с матерью еще не вернулись, и подумала – может, им удалось разыскать там Майру. Она надеялась, что нет, и тут же устыдилась своих мыслей.

Когда полотенце пропиталось кровью, она намотала сверху другое, плотно прижимая его к месту пореза, прилегла на диван. И, невзирая на бессилие и рану, улыбнулась. Ее мысли уже переключились на предстоящую сегодня игру в бридж. Надо бы позвонить Элен Уинтерс и отменить вечернее мероприятие. Барни распереживается за нее, когда вернется домой. Извинится, будет любезным, внимательным и нежным – и они вдвоем проведут чудесный вечер. Она приготовит чего-нибудь вкусненькое. И сделает вид, что ей плевать на календарь доктора Лероя вместе с красными циферками на этих дурацких часах.

При мысли об этом она улыбнулась, закрыла глаза и уснула.

2

Макс Прагер дожидался на тротуаре перед своим домом, когда Барни остановился, чтобы его посадить.

– Что с тобой, Барни? – забравшись в машину и захлопнув за собой дверцу, любопытствовал он с выражением безжалостной радости на круглом розовощеком лице. – Ты как в воду опущенный.

Барни пробурчал извинение за то, что опоздал, и смолк. Он подумал, что десятимильная поездка до Центра обернется для него сущей пыткой. В их автомобильном пуле[10 - Автомобильный пул (для поездок на работу) – группа автовладельцев-соседей, живущих в пригороде, каждый из которых по очереди возит остальных на работу на своей машине; подобная форма кооперации стала популярной в США во время нефтяного кризиса 70-х годов и сохраняется в больших городах и сегодня.] изначально состояло пять человек – они сидели и болтали друг с дружкой. Потом одного перевели в Толидо[11 - Толидо – город в штате Огайо, США.], а другой перебрался в Западный район. Какое-то время Макс Прагер, из научно-исследовательского отдела, и Коллинз, из проектного бюро по разработке средств обеспечения безопасности, болтали без умолку обо всяких технических вещах, и Барни приходилось смиренно их выслушивать. Но Коллинз уже три месяца как вышел на пенсию, так что в автомобильном пуле их теперь осталось только двое.

Прагер сочетал в себе престранные свойства. Его, беженца от нацистского режима, в десятилетнем возрасте вывезли в Бруклин. И в его «бруклинском

диалекте»[12 - «Бруклинский диалект» – нелитературная речь малообразованных жителей Нью-Йорка, в особенности района Бруклин.] до сих пор прослушивался явный немецкий акцент. А лет пятнадцать назад, когда ему стукнуло сорок, он перевелся с бруклинской военно-морской верфи в Научно-технический и опытно-конструкторский центр при «Нэшнл-Моторс». Лишь однажды, а за три года Барни успел хорошо его узнать, он видел Прагера по-настоящему расстроенным, когда парочка каких-то совсем еще зеленых кандидатов наук получила повышение через его голову. Впрочем, от чувства обиды у Прагера не осталось и следа уже на другой день, когда он в шутку заметил Коллинзу, что ему, как видно, пора на покой после того, как его обскакали кандидаты-молокососы, не знающие и половины того, что сам он уже успел позабыть в технологии индикаторных исследований.

– Эй, прочел я в Информбюллетене, что у вас там в отделе художественного конструирования вроде как намечается очередная выставка. Так что, может, и в этот раз отхватите приз.

Барни что-то пробурчал.

– Помнится, твоя вещица взяла первый приз в прошлом году. Что это было? «Плачущий мальчик»? Никогда не видел настолько прекрасной вещи. Настоящий талант. Знаешь, что я тогда подумал? Я подумал, что когда-нибудь этот Барни станет знаменитым скульптором.

– Я слепил ее давным-давно, еще в колледже, – сказал Барни.

– А, но в этот раз ты выставишь какой-нибудь новенький шедевр, так? Голову даю на отсечение, ты снова заработаешь первый приз. Как он называется?

– Я не буду выставляться в этом году.

Прагер поджал губы и поднял брови.

– С тех пор как я начал здесь работать, для себя ничего такого не сделал, – объяснил Барни. – Раз десять брался, и все без толку.

– Сдается мне, нелегкое это дело – месить глину весь день кряду, а после, вернувшись домой, делать то же самое по вечерам и выходным. Будь я на твоём месте, мне бы и подавно осточертело заниматься одним и тем же днём и ночью. Я имею в виду, хватает ли тебе творческой жилки?

Старик глядел прямо в корень. Кто бы мог подумать, что какой-то там радиоизотопщик способен заглянуть художнику в самую душу?

– Честно говоря, – продолжал Прагер, – даже если не брать в расчёт все, что я сказал, последнее время ты и впрямь выглядишь неважнецки. Не хочу совать нос в твои дела, только, может, у тебя настал, как бишь его, творческий кризис, – это когда талант побеждает человека. Знавал я одного малого – такого же молодого, как ты, – редактора из «Детройт таймс», так с ним было то же самое: он перелопачивал слова целый день напролёт, а вернувшись домой, к родне, на досуге пытался написать роман. Он говорил мне, что начинал вот так уже кучу романов и ни один не закончил, потому что за целый день трудов праведных в газете до того уставал от всей этой словесной мешанины, что у него не оставалось больше никаких творческих сил.

Барни мельком взглянул на него, тут же перевёл взгляд снова на дорогу и вскоре свернул по направлению к Центру.

– Было время, в школе, а потом в колледже, когда я играючи заканчивал все, за что бы ни брался. Ваять тогда было мне в радость. Ни о каких наградах и признании я и не думал, главным была только работа. Это настоящее счастье, когда скульптура захватывает тебя целиком и ты поглощён ею без остатка.

Прагер закивал.

Обычно Барни стеснялся обсуждать собственные ощущения, но после утренней работы он все ещё пребывал в приподнятом настроении.

– Даже чувство грусти, когда отступаешь в сторону, отдавая себе отчёт, что все закончено и сделано как надо, когда сознаешь, что с этим уже ничего не поделаешь, – это все равно как если бы ты вдруг понял, что твои дети скоро покинут тебя, уходя в большой мир, – это естественная человеческая грусть, возникающая от любви. Но, бог ты мой, какая же это мука, когда понимаешь, что не в силах закончить вещь, которой отдал всего себя. Никакой радости – такое

чувство, будто у тебя кость застряла в горле. Не знаю, что со мной случилось. Раньше я легко доводил до конца все, за что бы ни брался.

Макс кивнул.

– Я всегда считал тебя таким. Тот малый был такой же. Тебе бы он понравился. Так вот, доложу я тебе, начитался он про Гогена, и что бы ты думал? В один прекрасный день бросил жену с тремя детишками и подался в Испанию – писать.

– И что дальше? Он закончил свой роман?

Прагер пожал плечами.

– Уж не знаю, как там оно вышло, да только больше мы о нем ничего не слышали. Может, избавившись от всех своих обязательств и привязанностей, он и смог что-то там написать. А может, нет. Кто его знает, да и какая, на самом деле, разница?

Они притормозили перед коваными железными воротами с причудливой футуристической вывеской из синего пластика на серебристом фоне при въезде: «НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИЙ ЦЕНТР НЭШНЛ-МОТОРС». Барни кивнул охраннику, и тот, увидев на переднем стекле наклейку «Отдел художественного конструирования», махнул им рукой – проезжайте. Барни медленно проехал по кольцевой развязке и остановился, чтобы высадить Прагера у здания Научно-исследовательского отдела, после чего развернулся и направился к своей стоянке перед зданием Отдела художественного конструирования.

Он выключил зажигание и воззрился на здание, похожее на громадное иёглу с золоченым куполом с одного конца, где помещался выставочный зал (без окон, дабы уберечь его от посторонних взоров), – той самой крышей, в которой временами, когда он подъезжал к Центру или выезжал оттуда, отражалось солнце, слепившее ему глаза. Зато вход в вестибюль и кабинеты управления делами, напротив, были сплошь из стекла и прозрачного пластика, словно для того, чтобы убедить заезжих должностных лиц, политиков и организованных туристов, что «Нэшнл-Моторс» нечего скрывать.

Барни быстро прошел через вестибюль, хмурясь на оранжевые и желтые анатомические кресла, расставленные на синем ковровом покрытии, и на несуразные модели автомобилей будущего на фермах, загадочным образом подвешенных в воздухе. Главная идея, включая форму кузова, мощь и напор; спиралевидные удлиненные линии, усиленные плоскости, подчеркивающие строгую функциональность сороковых годов, отягощенные скопищем всяких псевдофутуристических хитроумных штук. Чего и следовало ожидать. Что до оригинальности, конструкторскому начальству вроде как показалось, что такое не прокатит, поэтому конструкторы с дизайнерами постарались сделать так, чтобы прокатило. Получилось. И они не ошиблись, уверял себя Барни, поскольку народ, готовый покупать дорогие машины, хотел видеть что-нибудь старенькое-и-привычное в новенькой-и-занятой упаковке. А что может быть привычнее фантастического Бака Роджерса?[13 - Бак Роджерс – классический герой научной фантастики, капитан звездолета XXXV века; долгое время его имя было синонимом самого жанра научной фантастики и зачастую употреблялось в значении «суперсовременный».] Современнo-эротические космические фантазии для миллионов приземленных людей, готовых вести свой обратный отсчет, перед тем как сорваться в гонку по автострадам, то набирая скорость, то сбавляя обороты.

Он кивнул новой секретарше, привычно поражаясь тому, что новенькая так и лезет из кожи вон, чтобы показать свою значительность, являя собой смешанный образ эдакой соседской девчушки-милашки и юной развратницы, способной воспламенить в тебе эротические фантазии и одновременно чувство вины. Распушенные белокурые волосы, вздымающиеся волной при повороте головы, – ну в точности как в телевизионных рекламных роликах. И снова сочетание несочетаемого: безопасность, защищенность, стабильность, приправленные беспечной плотской радостью. Безусловное доверие – и тут же осознание вины за то, что переступил черту, и необходимости поостыть. «Опасные повороты!» и следом – «Осторожно, дети!».

Нэт Уинтерс перехватил его возле охранника, проверявшего у них опознавательные бирки.

– Привет, Барни! Все хотел тебя спросить, с чего это ты вдруг, как я недавно слышал, решил не выставляться? Черт возьми, это же будет выглядеть смешно – прошлогодний победитель ничего не показывает. Андерсон очень удивится.

– Если он спросит, скажи, что я отдаю команде всю свою творческую энергию и вдохновение и на себя у меня просто не остается сил. Скажи, что я прежде всего член команды, а уж потом скульптор. Ему такое понравится.

– Брось, Барни. Ты же так не думаешь. Это будет выглядеть довольно странно.

– Ничего не поделаешь, Нэт. У меня не было никакой возможности поработать на себя. Я не закончил ни одну вещь из тех, что мог бы представить, а выставлять абы что как-то не хочется.

– Жаль, мне не хватает твоего мужества. Ладно, не будем про выставку. Я хотел спросить у тебя еще кое-что, по секрету, ведь, насколько я тебя знаю, ты человек прямой. Так вот, с художественной точки зрения – как скульптор, – что ты на самом деле думаешь про эти аэродинамические рассекатели на крыльях? По-твоему, годятся? Я хочу сказать, ты сам знаешь, как я ценю твое мнение.

– Я бы не брал все это в голову, – сказал Барни. – В колее корпус сидит ниже, чем на самом деле. А на выставочном помосте или испытательном полигоне он будет выглядеть вполне себе нормально. Тем более после того, как мы покроем бамперы хромом. Брось переживать. Корпус вышел что надо.

– Ладно, Барни. Я верил в тебя. Но не будем больше об этом – мне бы лучше сосредоточиться на сегодняшнем бридже. Значит, у тебя?

– Заметано.

– Отлично. А то мы с Элен спим и видим, как бы обратно отыграть хоть немного денег. Твоей жене хоть и везет чертовски, но не вечно же тому быть.

Барни весь день трудился под присмотром Нэта Уинтерса, доводя до ума модель для ее первого закрытого показа в конце недели в златокупольном выставочном зале. Они работали над нею почти два с половиной месяца, и теперь пришло время извлечь ее из тени мастерской и представить на суд праведный, вот Уинтерс и стоял у него над душой, будучи сам на грани истерики.

– Может, еще малость пообтесать? Сделать выемку под задним окном чуточку поглубже?

Барни достаточно потрудился над проектами Уинтерса и знал, как угодить его прихотям. Он сделал пару пробных углублений в коричневой формовочной глине под линией заднего окна и отступил полюбоваться результатом. Когда Уинтерс наконец одобрительно кивнул, они закруглились; Барни тут же окликнул одного из младших модельщиков и велел ему накрыть плод их трудов покрывалом. Но уже через несколько минут Уинтерс забрюзжал:

– Под этим чертовым покрывалом она выглядит какдохлый слон. Дай-ка гляну еще разок. Может, придется еще кое-что доделать.

И так целый день. Дважды они с Уинтерсом вскрывали «Пантеру-II» и вносили в нее мелкие изменения. Барни старался держать себя в руках, видя, что работа не клеится. Линии были сглажены так, что аэродинамический рассекатель теперь внушал полное доверие, – в результате, как выразился начальник отдела сбыта, получился такой корпус, какой будет нужен «молодому душой» рынку через пару-тройку лет. То есть нечто юное, дерзкое, напористое, включая все прочие хвалебные эпитеты, позволяющие описать мощь модели. Молодой администратор перед тем заверил их на совещании по моделированию, что общую идею довели до ума спецы по изучению вкусов, запросов и психологии покупателей, знающие, что нужно людям. Это должна быть серийная модель, рассчитанная на будущий и последующий годы, а в будущем и последующем годах снова будет в моде голая тяга. Руководствуясь всеми этими показателями, Уинтерс разработал смелую модель, но сейчас он, чего-то испугавшись, решил устранить все лишнее, чтобы облегчить уже готовую переднюю облицовку. Когда все было готово, его прототип уверенно приблизился к моделям, принятым в позапрошлом и прошлом годах.

Барни старался соглашаться со всем спокойно. Старался убедить себя, что здесь он не художник, а ремесленник, который оформляет и лепит так, как предписано, а потом меняет облицовку, форму и текстуру по прихоти проектировщиков. И все же это огорчало его, поскольку, глядя на такого Нэта Уинтерса, он вспоминал, каким и сам был лет десять-пятнадцать назад. Неуверенность штука заразная, и он знал, что очень подвержен этому недугу.

После работы Барни поехал к зданию Научно-исследовательского отдела за Максом Прагером, но боковая улица, где он утром его высадил, оказалась перегороженной, а перед самым зданием стояло несколько полицейских автомобилей, приписанных к компании. Он вышел из своей машины и двинулся к

ним, но не успел сделать и несколько шагов, как пожилой охранник – он частенько видел его на здешней территории – направился к нему, махая руками.

– Проход закрыт!

– Но у меня здесь назначена встреча.

– Зона опечатана.

– А что случилось?

– Меры безопасности. Авария в одной из лабораторий. Меня поставили, чтобы никого не впускать и не выпускать.

– Да, но мне нужно забрать одного человека, Макса Прагера, он здесь работает, мы вместе сюда приехали.

– Прагера? О, сдаётся мне, выйдет он ещё не скоро. Видать, придётся ему добираться домой на другой попутке... а то и такси вызывать.

Барни постоял ещё пару минут, а охранник меж тем раскурил трубку и заметил:

– Да, похоже, он тут здорово подзадержится, пока не пройдет обследование. От этой радиоактивной дряни так просто не уберёжешься. Тут нужен глаз да глаз.

– Радиоактивной?.. – Барни тупо воззрился сначала на него, потом на здание Научно-исследовательского отдела. – Вы хотите сказать, здесь произошла авария с выбросом радиоактивности?

Охранник осторожно огляделся и прошептал:

– Уж коль вы в компании не новичок, думаю, вам можно сказать. Один из охранников с внутреннего поста, мой приятель, слышал, как телефонист на коммутаторе звонил в Службу радиационной безопасности. Похоже, – только об этом никому, ладно? – так вот, похоже, у них там в «горячей» лаборатории[14 - «Горячая» лаборатория – лаборатория радиоактивных веществ высокой активности.] случилась утечка радиоактивной дряни и пострадали двое парней.

Сказывали, Прагер вел себя прямо по-геройски и, ежели б не он, вся эта дрянь распространилась бы повсюду и заразила бы весь чертов городок. Да уж, сэр, так что, думаю, домой он поедет не скоро. Только я предупредил, никому ни слова. Ни одной живой душе.

Барни поблагодарил его и вернулся к своей машине, слегка огорошенный такими новостями. Он сном-духом не ведал, что Прагер работает с такими опасными веществами. Да тот и сам, насколько помнилось Барни, ни разу не заикался об этом. А если о чем и упоминал, так это о каких-то там «индикаторах» и «технологии индикаторных исследований». Но тут Барни вспомнил, что в спорах Прагера с Коллинзом, бывало, проскальзывало слово «изотоп». «Радиоактивные изотопы». Он слышал о них и раньше, только понятия не имел, что это такое. Надо будет спросить у Прагера.

Проезжая мимо дома Макса Прагера в ряду таких же аккуратных строений, принадлежавших руководителям низшего звена, он поймал себя на мысли, что каждый обитатель Элджина действительно так или иначе связан с автомобильной промышленностью или с кем-то, кто в ней трудится. Высаживая Прагера после работы и наблюдая, как старик устало бредет по пешеходной дорожке, он часто задумывался: странно, однако, что тот живет один-одинешенек в таком большом доме столько лет после смерти своей жены. Он и теперь недоумевал, отчего же Прагер никогда не принимал от него приглашений на обед и всякий раз отказывался пропустить с ним по стаканчику. В машине старик вел себя совсем по-свойски, но при всем том он давал ясно понять, что хотел бы остаться один, хотя вслух это никогда не произносил. И кто бы мог подумать, что из эдакого затворника выйдет герой?..

3

Вернувшись домой, Барни прошел через боковую дверь в кухню, развязывая на ходу галстук. Ему хотелось принять душ, переодеться и немного отдохнуть до прихода Нэта и Элен Уинтерс. Но никаких признаков Карен или приготовленного обеда заметно не было: кухня оставалась в том же состоянии, в каком и была утром, перед его отъездом. Он позвал – она откликнулась сверху.

– В чем дело, черт возьми? – взбесился он. – Ты что, не понимаешь, вот-вот придут Нэт с Элен, а у нас полный...

Она подняла перевязанную руку, успокаивая его.

- Что случилось?

- Ты даже не удосужился предупредить, что разбил посуду в раковине. - Ее голос дрогнул, когда она заговорила, и он смекнул, что она лелеяла не только руку, но и гнев и весь день ждала, чтобы выплеснуть его ему на голову.

- Пойду позвоню Нэту, скажу, что все отменяется, - бросил он.

- Я днем уже звонила Элен, - сказала она. - Или, может, думаешь я совсем ни на что не способна?

- Прости! Я дал маху, оставив разбитый стакан в раковине.

- На тебя это не похоже. Наверно, голова была забита всякими мыслями.

- Точно, - резко проговорил он.

- Что ж, по крайней мере, теперь ты увидишься с ними за игральным столом только через месяц. Двадцатого июля. Не забудь пометить у себя в записной книжке.

- Ладно.

- Я уже отметила у себя в календаре. Так уж выходит, что сегодня не мой день. И тебе не пришлось бы думать, как бы пораньше закончить игру.

- Я же сказал - ладно! Так что хватит!

- А если не хватит? - воскликнула она.

Он сжал кулаки.

- Говорю же, заткнись!

- Ух ты! Что, ударишь меня? Неужели не сдержишься и дашь волю рукам? Что ж, давай! Или, может, сперва подумаешь о последствиях?

С трудом, но все же он себя сдержал. В нем разыгралась отцовская натура. Он видел – и не раз, – как его отец избивал мать, и за это проклинал старика. Сейчас он понимал: между безрассудной, бессознательной реакцией и осознанием того, к чему все это приведет, пролегает тонкая грань. Слова можно взять обратно, а ссоры – сгладить. Она, наверное, попробует подтрунить над его выдержкой, но, как только он потеряет самообладание и поднимет на нее руку, это будет конец.

- Ты же знаешь, я бы никогда тебя не ударил.

- А ведь хотел.

- Мало ли чего я хотел, так ведь не сделал же. Так что не надо вынуждать меня к действиям, если не знаешь, чем они могут обернуться.

Она вызывающе посмотрела на него, но тотчас опустила глаза – на них навернулись слезы.

- Хочешь наорать на меня?

- Да, хочу.

- У тебя незаслуженное преимущество.

- Так почему же не наорешь? Покричишь – глядишь, полегчает.

- Не хочу. Если думаешь, что можешь вынудить меня, напрасно надеешься. Этот урок однажды преподал мне мой старик, и я его хорошо усвоил. С твоего позволения, пойду приму душ перед обедом. Холодный такой, чтобы поостыть.

Телефон зазвонил, когда он выбирался из ванны, – трубку сняла Карен.

- Это Макс Прагер, – крикнула она. – Сказать ему, что ты перезвонишь?

– Нет, мне надо с ним поговорить. – Он вышел из ванной, замотанный в банное полотенце, и взял трубку. – Алло, Макс! Ну, что там у вас стряслось?

– Прости, не смог позвонить тебе, когда ты был в Центре, – сказал Макс. – У нас случилась небольшая авария – так, пустяки, – и мне пришлось задержаться. Заеду за тобой завтра.

– А что там насчет твоего геройства?

– Кто тебе такое сказал?

– Земля слухами полнится. Вот я и говорю, это правда? Есть хоть какой-нибудь шанс, что это дерьмо не распространится?

Последовала короткая тишина. Потом Прагер продолжал:

– Послушай, Барни, я же сказал – дело пустячное. Небольшая утечка, принимали меры безопасности – в общем, все по предписаниям. А насчет опасности распространения, так это пустая болтовня. Народ теряет голову, как только слышит про радиоактивность. Помяни мое слово, теперь все чисто. Никто не пострадал, и никакой утечки из здания не было. Такие мелкие аварии не редкость, когда в дело идут изотопы. Понял? Расскажу обо всем завтра.

Карен вопросительно посмотрела на него, когда он положил трубку.

– Геройство?

– Небольшая авария у них там, в Научно-исследовательском отделе, – ответил Барни. Он решил не упоминать про радиоактивность, опасаясь, как бы от испуга она не надумала себе бог весть что. – Макс говорит – ничего страшного. А как насчет вещей посерьезнее – например, обеда? Я умираю с голоду. Может, сходим куда?

– Мне по заказу доставили кое-что из китайской кухни, – сказала она, – чау-мейн[15 - Чау мейн – китайское рагу из курицы или говядины с лапшой.], яичные рулеты, жаренные на гриле свиные ребрышки. Мартини в холодильнике, уже смешанные, а бокалы в морозилке – замораживаются.

Она посмотрела на него – уже смягчившись. Во время свадебного путешествия они запирались вдвоем в номере мотеля с разной китайской снедью, мартини и пировали от души. Она трепетно относилась к таким вещам, и он понял: дело идет на лад. Он спустился за напитками и налил ей и себе по бокалу.

– Прости меня, малышка! – сказал он, чокаясь с ней. – За нас!

– И ты меня прости! За нас!

Он присел к ней на постель и поцеловал.

– Ты что? – Она оттолкнула его. – А ну-ка, завернись обратно в полотенце!

– А теперь-то что?

– Тебе нужна не я. Ты же просто маньяк и жулик.

– Ты это о чем?

– О часах. Тебе нужна твоя детородная рулетка. А не я.

– Ах, да брось, это же глупо. Я люблю тебя. И часы тут совсем ни при чем.

– А откуда мне знать?

Он задумался на мгновение, потом потянулся рукой и перевернул часы лицом к стенке.

– Про какие еще часы ты говоришь? – спросил он, озираясь кругом. – Не вижу никаких часов.

Она взвизгнула от удовольствия.

– Так-то лучше. Долой часы с календарями! Время ничего не значит, когда мы вместе.

Он потянулся к ней, и она снова его отстранила.

- Ну что опять?

- Будем есть. Ты же умираешь с голоду.

- Уже нет.

- Тебе нужно поддерживать силы.

Он сделал вид, что сильно удивлен.

- Господи, ты это о чем?

Она швырнула в него подушку, и он крепко обхватил ее руками.

- Ах, дорогуща Мертл, моя женушка соединила нас - бросила тебя прямо в мои объятия.

Она расхохоталась, выхватила у него подушку и швырнула через всю комнату.

- Она и мне лучшая подружка, - воскликнула Карен. - И ближайшая притом... уж на нее-то можно положиться.

Он обнял ее - и на душе у нее отлегло.

- О, Барни, ради тебя я постараюсь стать другой, - прошептала она. - Правда, постараюсь. И буду такой, как ты хочешь. Я люблю тебя.

Он страстно поцеловал ее и попробовал овладеть ею, но она понимала, что это происходит через силу. Он думал о чем-то другом. Она сердцем чувствовала. Как бы там ни было, ее терзало неприятное ощущение, что между ними вбилась новый клин и он разъединил их еще больше.

На следующее утро Карен крикнула, что по телевизору показывают сводку последних известий по поводу аварии в Центре. Он подбежал к телевизору как раз вовремя – и увидел, как президент «Нэшнл-Моторс» пожимает руку Максу Прагеру.

«...и благодаря смекалке и расторопности мистера Прагера последствия аварии удалось взять под контроль до того, как они разрослись бы до более крупных масштабов. Хочу заверить жителей Эджина и наших соседей в Детройте, что из лаборатории не произошло никакой утечки радиоактивных веществ. Мистер Прагер позаботился о безопасности других раньше, чем о своей собственной. Получив повышенную дозу радиации ради того, чтобы предотвратить дальнейшее распространение радиоактивных веществ, он предотвратил катастрофу. Повторяем: ни единой частицы радиоактивной пыли не было вынесено за пределы лаборатории. Утечка была незамедлительно и полностью ликвидирована усилиями специалистов Центра. Так что никакой опасности в этой связи не существует...»

– Надеюсь, они воздадут старику по заслугам, – сказал Барни. – А то он уж больно огорчился, когда его обошли с повышением какие-то кандидаты-технари.

– Так вот, значит, чье геройство вы обсуждали по телефону. А про радиоактивность ты не сказал ни слова. Всегда что-то от меня скрываешь.

– Да ничего я не скрываю. Дело-то пустячное. Да и пугать тебя не хотелось.

– А не опасно ли теперь с ним общаться? Он ведь радиоактивный?

– Думаешь, стал бы президент «Нэшнл-Моторс» жать ему руку, если б так оно и было?

– Барни, а тебе обязательно с ним ездить?

– Ну конечно. Смотри! Тут дело вот в чем. Ты же не имеешь ни малейшего представления о том, что происходит вокруг. Такие вещи определяются. Эту заразу легко выявить и измерить; у них там полно всяких приборов, и они знают обо всех уровнях безопасности. Он никогда не стал бы подвозить меня на работу как обычно, будь это хоть сколько-нибудь опасно.

- Ну, не знаю. Они не все тебе говорят. Раньше я и понятия не имела, что здесь творится. Думала, такое бывает только на атомных станциях, но ведь там все загерметизировано и защищено.

- Да точно тебе говорю, нет теперь никакой опасности. Уж такие бывалые технологи, как Макс Прагер, знают, что делают и когда нужно принимать должные меры предосторожности.

- Да, но, несмотря на все их меры, произошла беда, - заметила она. И тут же съязвила: - Вы, мужики, уж точно знаете, когда нужно принимать должные меры предосторожности, так ведь?

- И что ты хочешь этим сказать?

Она отвернулась.

- Да ничего я не хочу, и хватит об этом.

- О господи, могу я хоть раз уехать утром из этого дома без скандала? Послушай, я не понимаю, что сделал не так, а времени разбираться нет. Он вот-вот заедет за мной. Если я дал маху, извини.

Она неохотно позволила ему себя поцеловать в щеку - он кивнул.

- Премного благодарен, хотя увидимся не скоро, ведь еще целый день впереди.

Прагер остановился у обочины, как раз когда Барни выходил из дома, и по выражению его лица Барни понял, что он видел себя по телевизору.

- Ну как тебе в обличье героя?

- Ой, ты же знаешь эти телевизионные штучки.

Впрочем, ему явно хотелось поговорить об этом.

- Ты обещал рассказать, что там у вас стряслось.

- Тебе и правда хочется это послушать?

Когда Барни кивнул, Прагер, похоже, обрадовался. Ему нравилось болтать, когда он был за рулем.

- Ох уж мне эта чертова авария. Ничего такого раньше со мной не случилось.

- Прости, пока ты еще не начал... Я одно не пойму. С каких это пор в «Нэшнл-Моторс» стали использовать радиоактивные вещества?

- Это изотопы. Служат индикаторами. Мягкое гамма-излучение используется в самых разных вещах: от слежения за расходом краски и ее консистенции на кузове до проверки на наличие трещин на отливках – радиография.

- Никогда не знал этого раньше. Валяй дальше.

- Так вот, я прихватил с собой нашего новенького лаборанта в «горячую» лабораторию. Это своего рода двойное помещение – горячая камера и две освинцованные перегородки, а между ними органы управления, с которыми мы и работаем. Таким образом, мы оказываемся как бы внутри сэндвича: от горячей камеры нас отделяет одна перегородка, а от аварийного выхода другая, так что выбраться оттуда можно только по лестнице.

- Но как же вы оказались в «горячей» камере?

- Да мы туда, черт возьми, и не заходим. Манипулируем изотопами с помощью удаленных узлов – так называемых «ведомых рук», наподобие пары огромных стоматологических буров с захватами на концах. Так вот, завожу я того парня внутрь, и тут мы видим, как один из наших замечательных кандидатов достает капсулу из экранированного контейнера. Капсула, заметь, длиной всего-то пару дюймов, а в ней три гранулы иридия-192. Три радиоактивные горошины в алюминиевом стручке, мило так и аккуратно проложенные алюминиевым порошком.

Все, что нужно было сделать нашему молодцу, так это вскрыть капсулу по четко обозначенной линии, извлечь гранулы и переложить их в хранилище с другой стороны – в наш маленький «горячий банк», как мы его называем. Раз плюнуть, верно? Итак, стоим мы, значит, рядышком и наблюдаем, как он шурует ведомыми руками в горячем стержневом ящике. Дело нехитрое. У человека пара манипуляторов, и с ними он может забраться очень даже далеко; но в голове у него расстояния увеличиваются, и забраться он может вообще дальше некуда. Мимоходом я объясняю новичку, как нужно вскрывать капсулу, – это все равно что родоразрешение путем кесарева сечения (только нам каждый раз приходится иметь дело с тройней).

Итак, мы следим, как он опускает прецизионный[16 - Прецизионный – имеющий повышенную степень точности; высокоточный.] вращающийся резак, и потом – об этом я уже докладывал человеку из Службы радиационной безопасности – я своими глазами видел, как тот встал точно по линии. Голову дам на отсечение, так что грешить на парня я бы не стал. Одна из гранул, должно быть, оказалась дефектная, а это уже недоглядели в Радиационном контроле – конторе, которая снабжает нас изотопами. Так вот, лезвие врезается в капсулу, наполнитель из алюминиевого порошка вместе с тремя гранулами высыпается наружу – и тут новичок как заорет: «Датчик Джордона!» И стрелка, будь я проклят, отклонилась аж до пятисотой отметки. Малый за панелью управления застыл как вкопанный. «Что же делать?» – кричит. А я ему в ответ: «Нет времени учить тебя уму разуму», – тут же выхватываю у него эти самые ведомые руки и начинаю быстренько перетаскивать гранулы в хранилище. Сперва одну, потом другую, но тут новенький вдруг снова как заорет... Я глядь – сверху замигала красная аварийная сигнальная лампочка регистратора уровня радиоактивности воздуха. А это значит, что порошок просыпался через первую перегородку в нашу траншею.

– Боже мой! – проговорил Барни. – А ты что?

– Я кричу им, чтоб рвали когти за защитную перегородку и сразу под душ, а сам думаю – уж пара-то секунд у меня точно есть, так что спрячу-ка подальше эти самые гранулы. Говорю тебе, Барни, не очень-то приятное ощущение, когда эта высокорadioактивная дрянь проникает через перегородку, а ты ее не видишь и не чувствуешь. Я спрятал остальные гранулы, пулей взлетел по лестнице и спустился с другой стороны перегородки, спрыгнув с пятой или шестой перекладины. Сорвал с лица респиратор, стянул защитный комбинезон и в чем мать родила мигом под душ к тем двоим бедолагам... Мылся и чистился, как

никогда в жизни, – шкуру чуть не до дыр стер. Мне казалось, что меня всего облепило радиоактивной пылью. Фу ты, черт! Никогда не забуду эту картину – как стрелку зашкаливает. Вся лаборатория оказалась заражена этим высокорadioактивным дерьмом! А того кретина из Службы безопасности, представь себе, заботило только, сможем ли мы сами все там очистить, чтоб не вызывать Радиационный контроль. Как же я на него тогда разозлился! Хотя ему, понятно, хотелось избежать паники, и винить его за это грех. Да уж, черт возьми, мы управились своими силами, и большой дозы никто не получил. Так что сам понимаешь, ему пристало больше беспокоиться за нас.

– Откуда ты знаешь, какую дозу получил, если радиацию не видно?

– А наши плоские пленочные дозиметры на что? Потом, при мне всегда мой карандашный датчик. Да и врач осмотрел нас в изоляторе с ног до головы – все проверил. Комбинезоны с респираторами снижают степень заражения, так что никто ничего не подцепил. Единственное, что оставалось сделать другим, так это очистить все, что мы вынесли из «горячей» лаборатории. А это дело, черт возьми, самое что ни на есть обычное. У нас такое проделывается каждый божий день.

– Значит, не было никакой нужды вызывать этот ваш, как его?..

– Радиационный контроль? Из-за такой пустячной утечки – нет. Они нужны, если утечка выходит из-под контроля, когда взрывается реактор или когда радиация распространяется за пределы лаборатории и может заразить целый город. А из-за такой ерунды – зачем? Слава богу, мы удержали ее в стенах «горячей» лаборатории. Черт, через час после аварии тот малый из Службы радиационной безопасности все там облазил, измерил каждый дюйм в предохранительной камере, помещениях для дезактивации, где мы полоскались под душем... Даже в моей камере рядом с лабораторией все прошуровал. К тому же они собирались потом дезактивировать всю зону целиком – для верности. И скажу тебе по чести, Барни, ее пришлось закрыть.

Барни вышел из машины у здания Отдела художественного конструирования с тревожной мыслью, что, как и говорила Карен, все их знания и меры безопасности, равно как планы и меры предосторожности, – все это может пойти прахом совершенно случайно, стоит только оказаться в ненужное время в ненужном месте, поставив под угрозу даже собственную жизнь.

И самое печальное было то, что опасность всегда таилась рядом, а он ни о чем таком и не думал.

Июль

1

Через два дня после пикника на заднем дворе в честь Четвертого июля[17 - День независимости (с 4 июля 1776 года) – национальный праздник США.] Барни понял, что съел что-то не то, потому как его постоянно мутило. Уже второе утро кряду он просыпался с головной болью и сыпью, явно разраставшейся по всей правой руке. Он собрался было к врачу, но потом решил посмотреть – может, через день полегчает. Он тихонько оделся, чтобы не разбудить Карен, и спустился вниз приготовить себе завтрак. Кухня вся сверкала чистотой, посуда большей частью была вымыта. Карен изо всех сил старалась стать другой.

Каждый раз, когда он собирался сказать ей то, что хотел, ему неизменно что-то мешало. Сперва похороны его деда и очередная поездка к предкам, потом ее репетиции, а теперь еще вот это. Последние несколько недель она как будто догадывалась о его намерениях и старалась измениться. Все стало проще, когда он забросил «Венеру». После похорон он так ни разу к ней и не спустился.

Он смазал покрасневшую руку целебной мазью, обвязал бинтом, осторожно просунул ее в рукав сорочки и совсем забыл думать про нее, когда полностью оделся и вышел на улицу, где его должен был подобрать Прагер. Когда они тронулись, Барни заметил, что старик чем-то сильно озабочен.

– Что-то не так?

Прагер покачал головой, но тут Барни обратил внимание на его руки, державшие руль.

– Обжегся?

- Начали опухать пару дней назад, - ответил Прагер.

- А выглядит как сильный ожог.

Барни пригляделся к рукам Прагера, слишком изящным для его мелкой, коренастой фигуры, - с длинными костлявыми пальцами, на месте которых, казалось бы, должны были торчать какие-нибудь сардельки. На костяшках выступили волдыри.

- Может, аллергия на что-нибудь, - сказал Прагер. - Надо будет сходить к врачу.

- Странно, - заметил Барни, - а у меня на руке появилась сыпь. Чешется - спасу нет. Я тоже думал показаться врачу.

Прагер насупился.

- Когда ты это заметил первый раз?

- Несколько дней назад. Думал, обжегся, и не обратил внимания. А потом решил, что, наверное, съел чего-нибудь на пикнике.

Прагер устало кивнул и сжал руль так, словно хотел вложить в него всю свою силу, чтобы ехать ровнее.

- Ты в порядке?

- Да, только слегка подташнивает. Так, на работу я сегодня не пойду. Высажу тебя у Центра, а сам двину к врачу. И расскажу тебе сразу, как только узнаю, что со мной. Если это от чего-нибудь такого, что мы с тобой слопали в нашей столовке, подадим на них в суд, и все дела.

Он слабо улыбнулся, и Барни проводил его взглядом.

Барни мутило весь день, но он не обращал на это внимания. И только ближе к вечеру, когда дела с сыпью стали только хуже, он вспомнил, что Прагер отправился к врачу, а стало быть, теперь он, наверное, знает, что с ним стряслось. В семь тридцать он позвонил Прагеру домой, но кто-то,

представившийся Элом Бендиксом, сказал, что меньше чем час назад Прагера забрали в элджинскую Мемориальную больницу.

– А что с ним?

– Извините, но мне рекомендовали не разглашать информацию ни газетчикам, ни кому бы то ни было.

– Я не газетчик. Что, черт возьми, происходит? Он собирался мне позвонить по возвращении от врача. У меня все то же...

Но человек на том конце провода повесил трубку, сказав напоследок:

– Послушайте, у нас тут дел невпроворот. Позвоните в больницу.

– Что за черт! – вскричал Барни при виде Карен, которая подошла к концу разговора. – У него такие же ожоги, как у меня.

– Какие еще ожоги?

– У него на руках, с тыльной стороны, большие неровные красные пятна, и пальцы распухли. У меня на руке тоже высыпала сыпь... и чешется мочи нет. Сначала я подумал – ожог, но не помню, чтоб обжигался.

Он заметил, что она как-то странно взглянула на руку, которую он оголил, закатав рукав, чтобы показать. Рука выглядела еще хуже – и теперь походила на обсыпанные волдырями руки Прагера.

– Не знала, что у тебя тоже, – испуганно прошептала она. – Посмотри-ка сюда. – Она распахнула блузку и спустила левую лямку бюстгалтера, показывая большие неровные красные пятна у себя на груди. – И сюда... – Она задрала юбку, обнажая точно такие же пятна на своем правом бедре.

– Когда они у тебя появились?

Она воззрилась на свою покрытую сыпью грудь так, будто на ней притаилась змея.

– Не помню. Несколько дней назад. Сперва высыпали небольшие прыщики, и мне показалось – это реакция на гормоны, которые я начала принимать с прошлой недели. А вчера увидела то же самое на правом бедре и позвонила доктору Лерою, – он сказал, это может быть побочный эффект, и велел прекратить их принимать. Но, Барни, у меня с пятнами дела только хуже.

Они посмотрели друг на друга, и тут она проговорила то, о чем он уже подумал сам.

– Звони в больницу и узнай, что там с ним.

Медсестра сообщила только, что Макс Прагер чувствует себя хорошо, но разговаривать по телефону и принимать посетителей ему не разрешается. Тогда Барни настойчиво попросил, чтобы она соединила его с кем-нибудь из врачей. Когда врач наконец взял трубку, Барни сказал:

– Послушайте, я докучаю вам не просто так. У моей жены и у меня такие же высыпания, как у Прагера на руках.

– Мистер Прагер бывал у вас дома последние несколько недель?

– Нет, он никогда не бывал у нас, но...

– А по месту вашей работы в Научно-исследовательском отделе?

– Нет, я работаю в Отделе художественного конструирования.

– В таком случае я не стал бы беспокоиться.

– Но почему вы не можете сказать, что с ним? Что тут секретного? Если у него что-нибудь заразное, я должен это знать. Мы с ним в одном автомобильном пуле. И вместе ездим на работу и с работы.

Повисла тишина, и Барни смекнул, что врач прикрыл телефонную трубку рукой.

– Послушайте, ни о каком заражении нет и речи, – наконец проговорил врач. – И о болезни тоже. Оставьте мне ваши имя и адрес, к вам приедут и все проверят. И пока у вас не появятся наши люди, никому ни о чем не рассказывайте.

Барни оставил ему свои данные, но спросить больше ни о чем не успел: доктор повесил трубку.

Через десять минут позвонили из санитарной службы и сообщили, что к ним поступило обращение из больницы и что по его адресу выехал мистер Гэрсон с бригадой для проведения обычной проверки.

Но приехали они только через час с лишним. Карен все еще находилась на кухне, когда Барни услышал шум машины на подъезде и увидел в открытое окно, как другая машина паркуется у ограды их дома. В сгустившемся мраке можно было различить разве что пару фар, но, когда они погасли, в свете фонаря на веранде он разглядел беленький грузовой автофургон и под этим ракурсом сумел прочесть красную надпись на белом фоне – название: «РАДИАЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ».

Из автофургона вышли двое в белых защитных комбинезонах с капюшонами и защитных масках и медленно двинулись по пешеходной дорожке к дому. Один держал в руке фонарь, а другой нес небольшой чемоданчик. Барни кинулся было к двери, чтобы их встретить, но тут услышал в окно тревожные щелчки – и каким-то чутьем сообразил: счетчик Гейгера. Но при чем здесь «Радиационный контроль» и с какой стати у него на лужайке перед домом объявились эти двое в защитных комбинезонах со счетчиком Гейгера? Он окликнул их:

– Что происходит?

– Минуточку, мистер Старк. Оставайтесь-ка лучше на месте. Через минуту мы все объясним.

Когда они подошли к двери, он подумал, что вот-вот раздастся звонок, но один из них, с ящичком, достал короткий стержень и принялся водить им по ступеням лестницы, перилам веранды, дверным ручкам и декоративным накладкам. Щелчки замедлились, потом участились и снова стихли. Самым странным – он понял это позже – было то, как это он сразу догадался про счетчик Гейгера и одновременно почувствовал, что дело дрянь. Не ведая точно, как и почему, но

зная, что в упорядоченном научном мире радиоактивность должна быть наглухо заперта в лабораториях и рентгеновских комнатах, а выпадение радиоактивных осадков возможно только во время испытаний атомной бомбы, чем занимаются враги (хотя и некоторые друзья тоже), он недоумевал, не находя ни малейшего здравого смысла или логики в том, что эти двое в белых защитных комбинезонах и масках объявились на пороге его дома со счетчиком Гейгера. Разум его отказывался понимать, что все это значит. Как это могло случиться, если он ничего не знал ни про радиоактивность, ни про оборудование, которое вырабатывает или определяет ее? И тут он пожалел, что не знает об этом больше.

Раздался звонок в дверь. Карен ушла в гостиную, когда он кинулся открывать дверь. В отличие от него, смотревшего в окно, она даже не заметила, как они подъехали, и теперь при виде их – в белых комбинезонах с капюшонами, плящущихся на нее через защитные маски, – она вскрикнула.

– Забыл тебя предупредить, – сказал Барни, стараясь ее успокоить. – Это по вызову из санитарной службы.

– Ничего себе! – проговорила она. – Даже представить себе не могла.

– А ты думала, они с Марса?

– Ничего я не думала. – Она рассмеялась. – Только таких я бы в дом не впускала.

Барни открыл сетчатую дверь.

– Ну, входите, – сказал он. – Мистер Гэрсон?

Один из них, со счетчиком Гейгера, указал им в сторону машины у ограды.

– Я Эл Бендикс. А это Гэс Макнайт. Но вам с миссис Старк лучше оставаться здесь, в передней, пока мы вас не осмотрим. А потом мы не спеша проверим весь дом.

Барни старался придумать, о чем бы еще спросить, но так ничего и не придумал, поскольку черный ящик, тихонько предупреждающий о наличии

радиоактивности на каком-то непонятном языке, оказался самым завораживающим инструментом в мире.

Уже в гостиной Карен, едва дыша, спросила:

– Барни, что происходит?

Он знал: она достаточно наслышана о радиоактивности, радиоактивном заражении и противорадиационных убежищах и прекрасно понимает, что такое счетчик Гейгера.

Потом она пыталась им объяснить:

– Только не здесь. У нас в доме не может быть никакой радиоактивности. Его построили только два года назад, а мы живем здесь всего лишь год.

Один из них, тот, что с фонариком, извиняющимся тоном возразил:

– Она у вас на двери гаража, подъездной дорожке, ступеньках, перилах и дверной ручке. Сначала мы осмотрим вас обоих, а потом весь дом.

– Нас?

Они спросили одновременно, при этом Карен посмотрела на Барни и подалась назад, ожидая, что он тоже отступит, – в знак протеста.

– Да как же это? – сдавленным голосом проговорил Барни. – Вы что, имеете в виду ту аварию в радиационной лаборатории? Но ведь все говорили...

Тот, что со счетчиком Гейгера, – Бендикс – раздраженно взмахнул им.

– Если позволите вас осмотреть, мистер Гэрсон вам все объяснит. Ваша машина фонит. На ней следы радиоактивной пыли. Значит, и вы оба, вероятно, заражены. Не хочу вас пугать, но дорога каждая минута. Так что будет лучше, если вы позволите нам приступить к делу без лишних проволочек.

Радиоактивная пыль. Эти слова, брошенные прямо в лицо, потрясли его до глубины души – от них у него перехватило горло и стало трудно дышать даже носом. Карен попятилась. Нелепость какая-то – и она расплакалась. Не может быть никакой радиоактивности – ни на ней, ни у нее в доме. Когда Барни, по их настоянию, в конце концов вышел вперед, давая им возможность себя осмотреть, она воззрилась на него так, словно он предал ее, в чем у нее, впрочем, не было никаких сомнений.

Бендикс медленно провел счетчиком у него над головой, а когда поднес прибор к его куртке, пощелкивание участилось. Барни сорвал с себя куртку. Потом очередь дошла до сорочки и майки – и то и другое отчетливо фонило от его прикосновения. Когда Макнайт велел ему снять и штаны и когда обнаружил у него на коже – на предплечьях и плечах – следы радиоактивности, он постарался его успокоить.

– Не волнуйтесь, мистер Старк. Мы умеем с этим обращаться.

Он отправился к грузовику за бочковым насосом и парой полиэтиленовых мешков. А вернувшись, подождал немного и, заметив, как из ближайших окон на них таращатся соседи, сказал:

– Давайте-ка лучше пройдем в гараж – придется вас полить из шланга. Включите там свет?

Барни вяло кивнул, и они вдвоем направились к гаражу. Карен механически включила свет, а Макнайт меж тем расправил тонкий пластмассовый шланг и запустил насос, терпеливо (и, как показалось Барни, очень мягко) объясняя:

– Этот химический реагент смывает с вас радиоактивные частицы, если они не проникли глубоко под кожу. Нет, не трогайте! А то еще вотрете себе что-нибудь. Теперь повернитесь и встаньте ко мне спиной. Вот так. Сейчас мы осторожно счистим раствор скребком. Прекрасно. А теперь повторим еще разок.

Барни ополоснул руки под теплой струей и дал облить себя с ног до головы, вместе с руками и ногами, при этом Бендикс каждый раз водил вокруг него своим счетчиком, и по мере того, как тот медленно колыхался у Барни над головой, кожа у него на шее стягивалась и на ней ощущались покалывания. Наконец – после того, как прошла, казалось бы, целая вечность – счетчик в руках

Бендикса удовлетворенно дал знать, что Барни чист от заражения.

- Как же эта чертова дрянь сюда попала? - любопытно спросил Барни.

Бендикс, слишком занятый своим делом, пожал плечами, а Макнайт объяснил, что после аварии Прагер вынес ее на обуви и одежде из своей каморки в исследовательской лаборатории.

- Но как? Господи, он же уверял, что там все чисто. Да и по радио, и по телевизору сказали, что нет никакой опасности.

- Послушайте, - в нетерпении проговорил Бендикс, - мистер Гэрсон все объяснит, когда мы...

- Произошла утечка, - объяснил Макнайт, - через вентиляционную трубу. И, когда недели три назад включили систему воздушного кондиционирования, радиация попала к Максиму в кабинет. И он разнес ее по разным местам, включая свою машину и вашу.

Эти слова повисли в теплом ночном воздухе, прежде чем взорвались, обретая смысл. Карен вздрогнула, и Барни, ощутив холодок в груди, понял почему. Макнайт развязал тесемку на одном из плиофильмовых [18 - Плиофильм - прозрачный водонепроницаемый материал.] мешков, достал из него что-то вроде больничного халата и велел Барни надеть его.

- А теперь, миссис Старк, будьте любезны... - все тем же мягким, извиняющимся тоном проговорил Макнайт.

Она перепугалась, и Барни не нашелся чем ее утешить. Бендикс поднес к ней счетчик Гейгера.

- Платье, - сказал он, указывая на прибор.

- Но я только недавно его купила, - тяжело выдохнула она. - Такое красивое платье! Как же оно могло?..

- От ваших или его рук, а может, от одежды в шкафу.

- Но я его даже еще не вешала в шкаф. Только-только достала из коробки.

Бендикс пожал плечами, и слово опять взял Макнайт:

- Простите, миссис Старк. Так нужно. Я знаю, что вы переживаете, но это для вашей же безопасности. Прошу вас!

Она подчинилась его голосу, сняла с себя платье, а потом стянула комбинацию. Барни начал было возражать, но Макнайт, видя, что ее бюстгальтер фонит, снова извинился.

- Мы не взяли с собой в бригаду женщину. Вызов был срочный.

- У нас все вызовы срочные, - буркнул Бендикс.

- Не обращай на него внимания. Мы уже тридцать шесть часов идем без перерыва. Днем были в Кливленде, дома у мистера Прагера, а потом нас выдернули сюда. Давайте поступим вот как, мистер Старк. Вы возьмете счетчик Гейгера - ей тоже придется полностью раздеться - и проведете им по всему ее телу.

- Это необязательно. - Голос у Карен прозвучал с таким надломом, что они строем воззрились на нее с удивлением.

Повозившись с застежкой бюстгальтера, она сняла его и так и осталась стоять, демонстративно дрожа в желтом свете. Счетчик обнаружил радиоактивные следы на обеих грудях и бедрах. Несмотря на ее вызывающе беспечное поведение, оба гостя отвернулись, когда она стала обмываться. Барни собрался было ей помочь, но она отстранила его.

- Оставь меня. Не подходи.

Когда она закончила, они еще раз осмотрели ее. Прибор защелкал в обычном печальном ритме, показывая, что радиационный фон в норме. Зараза полностью вышла из нее, не оставив ни малейшего следа на ее коже. Затем Бендикс поднес счетчик к ее голове.

- Проверим ваши волосы для верности.

Она отпрянула в сторону.

- Там ничего не может быть. Я вычесываю их по утрам и вечерам.

- Эти частицы столь малы, что вы не можете знать точно, вычесали их полностью или нет, - заметил Макнайт. - А рисковать мы не можем, мистер Старк. Сами понимаете, мы не стали бы настаивать, не будь в этом безусловной необходимости.

Радиоактивные следы обнаружили в двух местах. Один - на затылке, посередине, другой - на волосистой части кожи головы спереди. Она услышала потрескивание и подняла руку, собираясь прикоснуться к волосам, но Макнайт ее остановил.

- Не стоит. А то еще разнесете.

- Волосы придется остричь, миссис Старк. - Бендикс извлек из кармана комбинезона ножницы.

- Я все смою. Не сумела вычесать, так сумею смыть, правда?

Макнайт покачал головой.

- Ничего вы не смоеете. Да и время поджидает. Лучше остричь.

- Если не желаете, чтобы случилось что-нибудь похуже, - заметил Бендикс. - Иначе волосы у вас скоро выпадут сами.

Макнайт приблизился к нему вплотную.

- Не стоило говорить об этом прямо сейчас.

- Рано или поздно она бы и сама это поняла. Так что пусть знает - дело это нешуточное.

Она содрогнулась – точно от удара и пошатнулась – от напряжения. Барни хотелось ободрить ее, но приближаться к ней было нельзя. Да и потерять ей предстояло разве что часть волос, не больше.

– Мне действительно жаль, – проговорил Макнайт, беря у Бендикса ножницы, – и давайте скорее заканчивать.

Он наклонил ее голову вперед и, водя перед собой счетчиком Гейгера, осторожно принялся за стрижку.

– Постараюсь не отстричь ничего лишнего.

Но все оказалось не так-то просто, и к тому времени, когда счетчик стал отмечать нормальный фон, почти четверть ее волос лежала на бумаге, которую он подстелил, чтобы их собрать. Часть волос упала ей на плечи и грудь, и Макнайту пришлось проверять все это на радиоактивность снова и снова. Затем он отступил назад, извлек из плиофильмового мешка другой халат, аккуратно развязав наружную тесемку, и передал его Карен.

Она набросила на себя халат, плотно закуталась в него. И лишь тогда мельком взглянула на Барни.

– Вот и хорошо, – сказал Бендикс, – а когда вы оба пойдете к машине... постарайтесь не заступать на траву и следовать вдоль линии – я отметил ее белым порошком.

Она взглянула на Барни, но не шелохнулась, и тут он заметил, что ее всю затрясло, словно в приступе рвоты, но она всего лишь разрыдалась, потому что уже была не в силах сдержать слез. Барни обнял ее, и теперь она крепко прижалась к нему, перед тем как он помог ей сесть в машину, открыто поправив пальцами ее неровно остриженные волосы.

– Что ты с нами сделал, Барни? Что же ты наделал?

Она рыдала у него на плече даже тогда, когда они усаживались в припаркованный у обочины темно-коричневый седан. Мистер Гэрсон представился сам, но она на него даже не взглянула. Барни кивнул в знак

приветствия и протиснулся на заднее сиденье, сев рядом с нею.

Барни лишь краем уха слушал, как мистер Гэрсон объяснял, что они едут на обследование в больницу и что к тому времени, когда их выпишут, в доме у них все будет обеззаражено. Он почувствовал, как она, сидя рядом, вдруг вся напряглась и резко выпрямилась.

– В доме?

Мистер Гэрсон, сидевший спереди рядом с водителем, обернулся к ней и кивнул.

Он был изыскан, седоволос, с резкими манерами военного. Строгость, которую Барни ощутил по телефону, в машине стала чувствоваться еще явственнее, тем более что в тусклом свете им был виден только его профиль.

– Ничего страшного, мистер Старк. Людям из ДК – дезактивационной команды – нужно четыре-пять дней, чтобы все промерить и очистить.

– Все-все, что мне так дорого?

– Разумеется, а ущерб вам возместят. Мистер Энгстрем просил вас заверить, что «Нэшнл-Моторс», кроме того, покроет вам и все издержки по пребыванию в больнице, а также по проведению у вас дезактивационных работ.

Барни понял – от этого никуда не деться. Все, чем они пользовались, до чего дотрагивались или к чему едва прикасались, стало зараженным. Вся пыль, которую она убирала, превратилась в радиоактивную, и сквозняками ее уже, наверное, занесло на диван, журнальные столики, под абажуры, плафоны и по коврам.

– Как же так? – спросил Барни. – Ведь Макс Прагер говорил, что радиоактивность осталась в пределах «горячей» лаборатории. Он сказал, что там все вычистили. Так как же это попало наружу?

– Вычистили после аварии, – пояснил Гэрсон. – Нас не вызывали, все сделали сами – и это совершенно правильно, – только вот никто не догадался проверить вентиляционную систему, а там, между зоной безопасности «горячей»

лаборатории и примыкающим к ней кабинетом мистера Прагера, имеется отдушина. Через неделю после аварии, когда потеплело и включили систему кондиционирования воздуха, частицы радиоактивной пыли попали через трубопровод из зоны безопасности в кабинет мистера Прагера. Оттуда он перенес ее – как я сказал, через неделю, когда уже никто ничего не проверял, – к себе в машину и домой, а заодно и в вашу машину. Так что всякий раз, садясь к вам в машину, он оставлял там все новые следы, и вы, когда садились в его машину, подвергались еще большему заражению. Он, конечно, обратился к нам сразу, как только обнаружил радиоактивные следы, – продолжал Гэрсон. – Но сейчас его состояние, боюсь, весьма плачевно. Вам обоим повезло больше. Вы подверглись вторичному заражению и, судя по всему, получили куда меньшую дозу, чем он. Да, разумеется, и накопление дозы облучения у него началось раньше.

– Барни, ведь с нами ничего такого не будет.

И Барни понял: она судит об этом по заголовкам и статьям, но до сих пор испытания бомб, выпадение радиоактивных осадков, стронций-90, загрязненное йодом детское молоко, дефектные цветные телевизоры, радиоактивные иглы, даже жуткие истории про новорожденных мутантов, жертв радиоактивного облучения, – все это было где-то далеко. А специалисты всегда были рядом и уверяли, что уровни здесь везде безопасно низкие – никакой угрозы.

Но те же специалисты никогда не упоминали о вероятных недоразумениях, пока не стало слишком поздно.

Он мало что смыслил в том, как радиация воздействует на человека.

Истории про радиационные аварии редко попадали в газетные заголовки, и теперь он понимал – почему. Подробности умалчивались, пока все вокруг источника не обеззараживалось и «Нэшнл-Моторс» на пару с Комиссией по атомной энергии не принимали решение предать случившееся огласке. Потом в «Детройт Таймс» выходила полуколонка, посвященная происшествию, мол, пять или шесть месяцев назад в промышленном пригороде Детройта было произведено обеззараживание. И это вызвало тревогу только у обитателей Элджина. Для остального же мира это были (как всегда) устаревшие новости.

У Барни остались кое-какие воспоминания о лучевой болезни, о которой он узнал из статей про Хиросиму, но, насколько ему помнилось, она начиналась с ожогов и выпадения волос, а потом уже проявлявшиеся симптомы (тошнота, слабость, усталость и ожоги) ухудшались, но он, по своей глупости, их неправильно истолковывал... затем, спустя несколько месяцев, у некоторых появлялась катаракта, а через несколько месяцев обнаруживалось белокровие, а то и рак. Пока что существовала вероятная угроза бесплодия, мутаций и выкидыша. Доза была не слишком велика – для них она не смертельна, но от слабости и опустошенности никуда не денешься. И эта мысль казалась невыносимой: на какое будущее им теперь остается надеяться и есть ли в их жизни какой-то смысл?

– Вам придется нас направлять, разумеется, – продолжал Гэрсон. – Надеюсь, никто из вас подолгу не толкался в толпе. – Он снова повернулся профилем, как будто хорошо слышал только правым ухом и хотел услышать ответ именно им. – Так?

– В толпе? Что вы имеете в виду?

– Ваши передвижения... после аварии. Нам нужно будет отследить ваши шаги. Проверить, куда вы ходили и с кем встречались за последний месяц. Вы наверняка заразили уйму народа и наследили во многих местах. Так что впереди у нас много работы, и я жду от вас посильной помощи – иначе говоря, если вы готовы. А жалованье компания за вами, конечно, сохранит.

– Уж конечно...

Но в мыслях он тут же перенесся на несколько недель назад – по следам загрязнения, которые оставил за собой. И каждый из них теперь предстоит тщательно проверить. На миг ему стало забавно от мысли, что теперь он даже не может свести счеты с жизнью, – во всяком случае до тех пор, пока не отследит каждый свой шаг по земле и не заглянет в каждое встречное лицо. Все и вся, к чему он прикасался, должно быть обеззаражено точно так же, как нынче вечером был подвергнут этой процедуре он сам вместе с Карен. Тут уж было совсем не до смеха, и он догадывался: они, должно быть, сильно удивляются, над чем это он смеется.

Для Карен пять дней в больнице были сродни тюремному заточению без суда и следствия – кошмару, соучастницей которого она стала постольку, поскольку сблизилась с заразившим ее человеком, вследствие чего ее раздели донага и остригли. Впрочем, ее остригли не наголо, и оставшиеся пучки волос раздражали ее до того, что на третий день она схватила ножницы и коротко срезала их собственной рукой. Не меньше злило ее и то, что Барни сдуру уверял, будто так ей даже лучше. Потом она пожалела, что оболванила себя, и часами просиживала перед зеркалом, уставившись на чужачку, которой теперь сама себе казалась. Она никогда в жизни не носила коротких причесок, в отличие от Майры, частенько стригшейся коротко, отчего она даже чувствовала себя виноватой.

– Что с нами теперь будет? – наконец спросила его она.

– Завтра все закончится, – сказал он. – Мы поедem домой и решим, что делать дальше... начнем жить заново. Дома, наверно, полный бардак. Так что нам будет чем заняться.

– Ты знаешь, что я имею в виду! Не нужно относиться ко мне снисходительно. Что же теперь будет?

– Я говорю без всякого снисхождения. Ради бога, не обижайся.

Он бесил ее, говоря таким тоном, и хотя она понимала, что ему сейчас не легче, ничего не могла с собой поделать.

– Да, я обижаюсь. Все, что ты можешь, так это стоять рядом и ничего не делать.

– Чего же ты от меня хочешь?

– Ничего. Просто мне страшно. Чувствовать себя в полном порядке, здоровой и при этом знать, что с тобой все равно что-то не так. Внутри тебя... – Она не удержалась и расплакалась и, когда он обнял ее, прижалась к нему. – Теперь у нас ничего не будет в порядке, и здоровье тоже, так ведь? То есть последствия заражения нам еще аукнутся.

Прежде они об этом еще не говорили, и ей хотелось наконец поставить точки над «и», облечь мысли в словесную форму.

- Все зависит, - заметил он, избегая ее взгляда, - от того, какую дозу мы подхватили.

Она почувствовала, что он встревожен и пытается ее от чего-то оградить, и ей хотелось ему помочь, вот только она не знала как.

- У тебя же доза больше, чем у меня, так ведь?

Он кивнул, и она промолчала, не зная, стоит ли продолжать разговор. Незнание хуже знания, и тем не менее ей было страшно узнать правду. Будь она уверена, что он все знает, еще куда ни шло. Она не боялась бы заблуждаться, если бы рядом был кто-нибудь, кто четко видел бы опасность.

- Ты в курсе, какие могут быть последствия? - спросила она.

- Этого точно никто не знает. Но я читал кое-что про другие похожие аварии...

- Не рассказывай. Тем более если знаешь, что нас ждет.

- Мы будем под наблюдением. Будем сдавать анализы.

Она вздрогнула и тут же отшатнулась, едва он к ней прикоснулся.

- Прости, - сказал он, - я не хотел...

- Будет как после Хиросимы? Ожоги... и все такое прочее?

- Ничего подобного. Лучше не думай об этом.

- Я никак не могу забыть эти фотографии - японских женщин и детей с обожженными лицами и головами без... - Тут она вспомнила слова дозиметриста со счетчиком Гейгера. - Когда же у меня начнут выпадать волосы?

– Гэрсон говорит – где-то через месяц после заражения, а примерно через полгода они уже снова отрастают. Постарайся об этом не думать.

Она спрятала лицо в руках. Но плакать не собиралась. Зачем мучить его понапрасну – просто ей хотелось, чтобы он почувствовал ту же душевную боль, что и она. Все время, пока они лежали в больнице, ей не терпелось вернуться домой, и вот теперь, зная, что это случится завтра, она испугалась. Они столько раз ссорились из-за пустяков – еды, неправильно истолкованной интонации в голосе. Когда же мистер Гэрсон пришел, чтобы отвезти их домой, ей вдруг расхотелось возвращаться.

Гэрсон кивнул, как будто все знал загодя, и решительным, властным тоном заявил, что у них дома совершенно безопасно. Он заверил их, что показания счетчика Гейгера во всех углах и щелях отныне в норме – в пределах естественного радиационного фона.

– Как это? – спросила она.

– Даже не случись эта авария, – объяснил он, оглядываясь кругом, словно в поисках классной доски, чтобы начертить диаграмму, – показания счетчика Гейгера все равно не были бы нулевыми. Радиация вокруг нас существует всегда – отчасти в виде фонового излучения, а ее излишки попадают в атмосферу в форме осадков в процессе ядерных испытаний. Что же касается пыли, просочившейся из лаборатории с радиоактивными веществами, наши специалисты там все тщательно вычистили. Очистку произвели и у вас дома. Включая, кроме самого дома, мастерскую вашего мужа, гараж и примыкающий к улице земельный участок.

Он улыбнулся, будто гордясь тем, что самолично принимал участие в дезактивационных работах.

– Мы проверили и ваших соседей. И обнаружили радиоактивные следы на собаке мистера Петерсона – за пару домов от вас, – но, к счастью, совсем немного. Мистер Петерсон, правда, очень огорчился, поскольку его жена ожидает в октябре еще одного ребенка. У ближайших ваших соседей, Диллонов, побывавших у вас на пикнике в День независимости, тоже нашли следы – на термосе, который вы у них позаимствовали. О других же соседях можете не беспокоиться. У них, похоже, все чисто.

Карен зарделась от смущения при мысли о том, что теперь эти люди все знают про ее личную жизнь, что они рылись у нее дома, в шкафах, прикасались к ее вещам, письмам, белью и увидели, какая она нерадивая хозяйка. На мгновение она почувствовала себя совершенно голой – как тогда, в гараже, но живо выбросила все это из головы – как и в тот раз, подавила свое смущение и посмотрела Гэрсону прямо в глаза.

– Ладно, – твердо проговорила она. – Хватит об этом.

По дороге домой Барни спросил, уверены ли они, что никаких следов не осталось даже там, куда трудно добраться. Как они смогли все проверить?

– Вот так и смогли, – заверил его Гэрсон. – Проверили все до последней мелочи. Дом ваш, сами увидите, поделили на три секции и каждую методично обследовали, очистили и проверили заново. Люди работали со щетками и губками, и везде, где счетчик обнаруживал радиоактивность, они тщательно проходились этими самыми щетками и устраняли малейшие следы загрязнения. А работаем мы не только с трубками Гейгера – обычными счетчиками Гейгера-Мюллера, – но и с новенькими, более точными сцинтилляционными детекторами – это такие приборы радиационного контроля, – действующими на большие расстояния. Наша контора свое дело знает. Стандартная процедура. Многие из «наших» прошли службу в армии и стали первоклассными специалистами по дегазации, дезактивации и дезинфекции. Сам я служил во флотском дезактивационном пункте – обслуживал наши атомные установки за границей. Так что с утечками радиации мы боремся двадцать четыре часа в сутки где бы то ни было, в том числе дома. Таких контор, как наша, чтоб вы знали, по пальцам пересчитать. Радиационная лаборатория в Бостоне. «Чикаго-Ядерная» в Чикаго. А еще – на Южном и Западном побережьях.

Потом он смолк и посмотрел на Барни.

– Полагаю, вы сможете уделить нам для начала время в понедельник? Желательно, чтобы вы прокатили Бендикса с Макнайтом по вашим маршрутам и местам, где вы бывали после аварии. Чем раньше там будем, тем больше шансов взять распространение под контроль. Вас, миссис Старк, это, конечно, тоже касается. Я вызвал вспомогательные команды, так что, как только обследуем каждое место, они придут вслед за нами, развернутся веером и произведут дезактивацию.

Барни тут же сказал, что согласен, хотя, как показалось Карен, он был чем-то смущен. Он избегал ее взгляда – она глубже села в кресло и ушла в себя, решив, что ей уже все равно, где он был последние недели и с кем. Сейчас она не могла ему сказать (ведь за последнее время они и без того пережили достаточно горя), но так уж вышло, что обстоятельства разделили их – пропасть между ними стала шире и глубже, чем он думал. Она понимала – винить его за то, что случилось, глупо, но когда он дотрагивался до нее, ей становилось ясно – отныне они уже никогда не смогут принадлежать друг другу.

Когда они подъехали к дому, она увидела, что дезактивационная команда, как назвал ее Гэрсон, заканчивала очистку гаража. Сейчас, днем, люди в белых комбинезонах и капюшонах выглядели уже не так зловеще, как тем вечером (неужели с тех пор прошла только неделя?), когда она впервые разглядела их через сетчатую дверь и едва не рухнула в обморок от страха. Люди в белом собирали свои причиндалы – «инструменты», как назвал их Гэрсон, – когда они выбрались из машины и двинулись по подъездной дорожке к дому. Поначалу она держалась сзади, не веря своим глазам. Люди, которых она всегда считала героями кошмаров, заканчивали свою повседневную работу и загружались в грузовики.

Она отвернулась, когда они проносили мимо огромные цилиндры с надписью: «ОСТОРОЖНО: РАДИОАКТИВНОЕ ВЕЩЕСТВО!». Часть подъездной дорожки, вокруг их машины, была отгорожена, лобовое стекло на самой машине, как и дверные ручки, были облеплено наклейками: «РАДИОАКТИВНАЯ ОПАСНОСТЬ!» – с бледно-фиолетовым рисунком в виде трехлопастного винта на желтом фоне, означавшим радиацию, как она уже успела узнать.

– Снаружи машина чистая, – сказал Гэрсон, – а вот внутри столько всего, что сам черт ногу сломит. Пришлось опечатать. Сейчас подъедет эвакуатор.

Она подумала, что, когда люди в белом уберутся восвояси, ей удастся забыть об их существовании, но в доме было полно всякого, что напоминало о недавней дезактивации. В прихожей, гостиной и кухне, насколько она могла разглядеть от входной двери, – все было вдоль и поперек исчерчено красным мелом. В виде сплошной сетки.

Гэрсон извинился:

- Простите за беспорядок. Мои люди старались работать аккуратно, но... - Он пожал плечами. - Вам придется малость прибраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Амниоцентез (мед.) - пункция плодного пузыря. Здесь и далее прим. перев.

2

От «фертильность» (лат. *fertilis* - плодородный, плодovitый) - способность половозрелого организма производить жизнеспособное потомство; отсюда «фертильные дни», или «дни фертильности», - дни, когда способность к зачатию у женщины максимальна.

3

Зефир - бог западного ветра в греческой мифологии.

4

Имеется в виду статуя французского скульптора Франсуа Огюста Рене Родена (1840–1917) 1878 года.

5

Хамтрамк – город в штате Мичиган, США.

6

Озеро в штате Мичиган.

7

Героиня одноименной пьесы норвежского драматурга Генрика Юхана Ибсена (1828–1906), написанной в 1890 году.

8

Драма Генрика Ибсена, написанная в 1879 году.

9

Гринвич-Виллидж – район на западе Нижнего Манхэттена, в Нью-Йорке.

10

Автомобильный пул (для поездок на работу) – группа автовладельцев-соседей, живущих в пригороде, каждый из которых по очереди возит остальных на работу на своей машине; подобная форма кооперации стала популярной в США во время нефтяного кризиса 70-х годов и сохраняется в больших городах и сегодня.

11

Толидо – город в штате Огайо, США.

12

«Бруклинский диалект» – нелитературная речь малообразованных жителей Нью-Йорка, в особенности района Бруклин.

13

Бак Роджерс – классический герой научной фантастики, капитан звездолета XXXV века; долгое время его имя было синонимом самого жанра научной фантастики и зачастую употреблялось в значении «суперсовременный».

14

«Горячая» лаборатория – лаборатория радиоактивных веществ высокой активности.

15

Чау мейн – китайское рагу из курицы или говядины с лапшой.

16

Прецизионный – имеющий повышенную степень точности; высокоточный.

17

День независимости (с 4 июля 1776 года) – национальный праздник США.

18

Плиофильм – прозрачный водонепроницаемый материал.

Купить: <https://telnovel.com/ru/deniel-kiz/prikosnovenie>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)